

СМЕНА

№5 / май / 2011

Smena

11005

21 и 22 мая

11:00-21:00

Парк "Усадьба Трубецких
в Хамовниках"

м.Фрунзенская, ул. Усачева 1а

Большой фестиваль Хендмейда

мастер-класс хендмейд пэчворк пение искусство
рисование лепка гончарное дело оригами бусы мода лекции
китайская живопись скрапбукинг одежда дизайнеры лэмпворк
книги ручная работа музыка игры стекло декупаж воздух

Вход свободный

www.drugie-veshi.ru

организатор:

BUYSHOW
ACTION COMPANY

при поддержке:

BEST FM
100.5
CITYCELEBRITY.RU

Домашний Очаг
Ярмарка
Мастеров
www.livemaster.ru
ELLE girl

LIVEJOURNAL

susanna
DELISEM GAMZ

OZON.RU

журнал
СМЕНА

Взращивание
ВАШЕ
УСЕРДИЕ
7я.ру

200 000 деревьев — много это или мало?

Это целый лес, выращенный детскими
руками с помощью Гринпис.

Хотите узнать больше?
Отправьте СМС* с текстом
"Лес 4" на номер

8-903-746-76-46

и мы расскажем, чем Вы
можете помочь проекту
"Возродим наш лес"!

* стоимость отправки СМС -
согласно тарифу вашего оператора связи.

ВОЗРОДИМ НАШ ЛЕС!

www.GREENPEACE.ru

№ 5, 2011

- 5** *КОЛОНКА*
Торжество милосердия
Евгений Крузенштерн
- 6** *ГЛАВНАЯ ТЕМА*
Территория спорта
Елена Любимкина
- 10** **Москва — Сочи: 1980 — 1914**
Анна Диянова
- 14** **Без преград**
Елена Любимкина
- 18** **Системный спортивный кризис**
Алексей Кузнецов
- 22** **Яичное многоборье и другие**
Екатерина Бондаренко
- 26** **Современные шахматы:
пять против, пять за. Ничья**
Евгений Гик

- ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*
30 Дщерь Петрова
Светлана Бестужева-Лада

- НАШИ ПУБЛИКАЦИИ*
36 Педро Иванович
Николай Ульянов

- ЛИТЕРАТУРА*
42 Скучная работа
Э. Эйделотт

- 48 Ильфипетров**
Евгения Белогорцева

- 51 Довесок к букве «щ»**
Илья Ильф и Евгений Петров

- 52 Жёлтые стёкла очков**
Людмила Малёванная

- 58 Смерть Птицы**
Максим Дубровин

Главный редактор
Михаил Григорьевич Кизилов

Над номером работали:

Евгений Крузенштерн, Елена Любимкина, Екатерина Бондаренко, Анна Диянова, Алексей Кузнецов, Евгений Гик, Дмитрий Павленко, Евгения Белогорцева, Светлана Бестужева-Лада, Людмила Малёванная, Лев Рябинин, Максим Дубровин

В номере использованы фотографии
PhotoXPress

Заместитель главного редактора
Тамара Васильевна Чичина

Выпускающий редактор
Светлана Викторовна Гуркина

Корректор
Юлия Борисовна Воронова

Проект www.smena-online.ru
Веб-редактор
Анна Игоревна Шеркунова

ООО «Журнал «Смена»:

Генеральный директор
Дмитрий Юрьевич Мережко
Главный бухгалтер

Любовь Александровна Бижко
Директор по распространению
Мария Александровна Яркина
e-mail: sales@smena-online.ru

Офис-менеджер
Людмила Николаевна Калининна

Учредитель и издатель — Общество с ограниченной ответственностью

«Издательский дом журнала «Смена»

Адрес издателя и редакции:

127994, Москва,

Бумажный пр., д. 14

e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07, факс (499) 257-13-78

Отпечатано ОАО ордена Трудового Красного Знамени

«Чеховский полиграфический комбинат»

142300 МО г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 55 000 экз. Зак. № 1398

Журнал зарегистрирован в Комитете

Российской Федерации

по печати (Пер. № 014832)

www.smena-online.ru

Подписные индексы:

каталог «Роспечать» 70820

каталог «Объединённый» 88998

каталог «Почта России» 99406

Подписка в Интернете: www.mega-press.ru

ParaType

© ООО «Журнал «Смена» 2011

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Обложка: **Андрей Кузнецов**

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.04.2011

СМЕНА

Издаётся с января 1924 года

№5 (1759) МАЙ 2011

«Россия, вперёд!»

Похоже, слоган спортивных трибун запал в души руководителей страны и становится той самой национальной идеей, которую долго долго искали и которая должна сделать Россию супердержавой.

Судите сами: чемпионат мира по футболу (2018 год), зимние Олимпийские игры (2014 год), Универсиада в Казани (2013 год), заброшенный к нам японским цунами чемпионат мира по фигурному катанию (2011 год), — вот далеко не полный перечень событий, которые предстоит пережить жителям России в светлом настоящем и в ещё более светлом будущем.

Посему-поэтому мы решили поразмышлять о том, что происходит в российском спорте сегодня. Конечно, это хорошо и здорово, если школьники все будут активно заниматься спортом, бегать зимой на лыжах, а летом участвовать в кроссах и плавать. А тут ещё одна радость подоспела — оказывается, физкультура — главный школьный предмет, по которому тоже будет ЕГЭ...

Вот только одна напасть. За последние двадцать лет появилось очень много детей, которым не только занятия спортом, но и элементарная физкультура противопоказаны.

В этой связи, быть может, лучше сначала обеспечить возможность молодым родителям рожать здоровеньких детишек? Это во-первых.

Во-вторых, для того чтобы спортсмены бегали, прыгали, играли и стали лучшими из лучших, нужно, чтобы кто-то, умный и образованный, учил, как это делать, кто-то (тоже умный) лечил и кормил их, кто-то веселил и песни пел для тех, кто спортивную Россию вперёд толкает. А всё население должно зарабатывать хорошую денежку и платить налоги, чтобы строились стадионы и покупались мячи, сетки, коньки, лыжи...

Но для этого экономика должна работать, наука — развиваться, искусство — «впереди планеты всей» бежать, образование и медицина — доступными и эффективными быть.

Однако с этим-то как раз проблемы — и с экономикой, и с наукой, и с медициной, и с образованием, и с искусством...

Не говоря уже о налогах, которые в бюджет-то попадают, но куда-то из него вытекают.

Наглядный и показательный пример — дорога в Сколково. Если верить телевидению, путь в будущий «нанорай», куда нас лично президент страны ведёт (путь, правда, короткий, всего-то 5 км, но самый дорогой в мире), обошёлся бюджету в 6 млрд рублей, а через год пришёл в негодность...

И о главном. В мировой истории существовало одно вполне демократическое государство, где главным было физическое развитие. Спартой оно называлось.

С уважением, Михаил Кизилов

При слове «спорт» в моей голове возникают не золотые трассы Сочи-2014, не Третьяк и не Роднина, а преподаватель жанров Наталья Владимировна, издатель Баринцев, сын тракториста Гапонова и железнодорожный путь Петербург — Ростов.

Мне всегда казалось, что мы очень ленивая нация, парадоксально при этом любящая спорт. Оказывается, нет никакого противоречия. В окне поезда, следующего в Ростов, я увидел чудесное футбольное поле. На нём, кувыряясь и падая, отчаянно бились команды разновозрастных спортсменов. Такое поле могло появиться только в стране, где живут очень ленивые футболисты. Оно разместилось в небольшой глубокой яме с покатыми берегами. Куда ни пинай мяч, он всё равно скатится. Бегать за ним нет никакой надобности. Пусть дураки за мячом бегают. В этом чувствовалась какая-то бесконечная мудрость.

Через три километра я увидел ещё одно футбольное поле в яме, потом ещё одно...

Нечто подобное я испытал и от встречи с издателем Баринцевым, весёлым толстяком. «Я чемпион мира по боксу и по шахматам», — сказал он. Оказалось, это почти правда. Насмотревшись телевизора, Баринцев обнаружил, что существует огромное количество разнообразных боксёрских ассоциаций, и в каждой есть свой чемпион. Он создал свою ассоциацию, зарегистрировал её в налоговой, объявил себя чемпионом мира и направил всем остальным чемпионам приглашение на матчи-реванши. Встретиться он предложил в кафе, биться — за ящик пива. Никто из чемпионов, естественно, не явился, и издатель засчитал всем им техническое поражение.

Несмотря на все официальные источники, уверяющие, будто спорт высших и низших достижений демонстрирует нам торжество духа, в моей жизни он неизменно демонстрировал что-то другое.

Торжество милосердия

Евгений Крузенштерн

Торжество нетерпимости продемонстрировала ситуация, когда я смотрел матч Бразилия — Бельгия в компании, где все болели против Бразилии (потому что пижоны), но не за Бельгию (потому что штаб-квартира НАТО). Торжество самобмана провозглашали заржавевшие гири и разобранные велосипеды на балконах.

Торжество силы проявилось в школьной постановке по «Дубровскому». Я был упитанным очкастым отличником. Мой карикатурный типаж мог рассчитывать только на костюм Пьера Безухова. Но я хорошо учился, и меня невозможно было обделить положительной ролью. Так я и оказался братцем несчастной Машки.

Я тогда должен был, наверное, олицетворять тщедушность дворянской юности. Во всяком случае, в сцене с дуплом крестьянский мальчик по сценарию клал меня на лопатки. Его играл сын тракториста Гапонова.

Сын тракториста довольно потирал руки, воображая, как будет бросать меня об импровизированную сцену. Но я был толстый и хорошо боролся. Мне прочили греко-римское будущее.

Это было, наверное, самое странное толкование Пушкина

в истории современного театра. Братец, вопреки каноническому сюжету, уронил крестьянина на живот, заломил ему руку и долго мстил за все страдания дворянских детей. В конце концов меня выгнали, и я разочаровался в искусстве, где нет места изящной импровизации. Торжество грубой силы затмило мне разум.

Отошёл я только в университете. Преподаватель жанров Наталья Владимировна требовала отыскать в прессе то расширенную заметку, то портретный очерк. На выбор она просила кого-то презентовать находку. Мне было лень что-либо искать. Обычно я из головы сочинял нужную заметку или статью. Проверять наличие газеты преподавателю не приходило в голову. Так продолжалось долго, пока мы не споткнулись о спортивный репортаж.

Когда меня окликнули, я зарисовывал с натуры кукиш. Получалось очень натуралистично. И я не успел об этом подумать, начав «читать» репортаж с выдуманного матча. Кто-то там кому-то передавал пас, трибуны свистели.

— Позвольте, — перебила меня преподаватель, — но ведь это совершенно невозможно! Спортивный репортаж в газетах умер уже лет пятнадцать как тому назад...

— Ну вот же, — продолжил сочинять я, — «Тихонов неожиданно переводит мяч на левый фланг! Но куда... там же никого нет! Ковтун хватается за голову...»

— Не может быть! — воскликнула преподаватель. Неожиданно она встала со стула и пошла смотреть на возродившийся из пепла жанр.

Она подошла. Удивлённо оглядела пустую парту, увидела мятый лист, перевернула его. Там была почти законченная, удивительной реалистичности фигура...

— Что ж, — сказала невозмутимо Наталья Владимировна, — спортивный репортаж возродился!

Вот в этом, пожалуй, было торжество человеческого духа, торжество милосердия. ☞

FotoIia/PhotoXPRESS.ru

ТЕРРИТОРИЯ СПОРТА

В КОНЦЕ 2010 ГОДА ПРЕСС-ЦЕНТРОМ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА 2006-2015 ГОДЫ» В СТЕНАХ РИА «НОВОСТИ» БЫЛА ОРГАНИЗОВАНА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ С МИНИСТРОМ СПОРТА, ТУРИЗМА И МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ ВИТАЛИЕМ МУТКО. ОДНА ИЗ ЦЕЛЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ — РАССКАЗАТЬ О ТОМ, ЧТО ПРЕДПРИНИМАЕТ СЕЙЧАС ГОСУДАРСТВО ДЛЯ РАЗВИТИЯ СПОРТА В РФ.

Елена Любимкина

«**М**не бы хотелось, чтобы наша программа стала публичной и ясной, — отметил министр. — Чтобы были понятны все её цели и те шаги по реализации, которые мы предпринимаем. Потому что сама федеральная целевая программа — это государственный инструмент по реализации физической культуры и спорта в нашей стране. И она решает не только вопросы развития материально-технической базы, создания условий для занятия физической культуры и спорта, она также является стимулом, структурой для заинтересованности регионов страны, субъектов Российской Федерации, муниципалитетов для занятия физической культурой и спортом. Она также решает вопросы создания базы для спорта высших достижений».

В данный момент вышеупомянутая программа «Развитие физической культуры и спорта Российской Федерации на 2006-2015 годы» финансируется

по следующим основным направлениям: массовый спорт (включающий в себя спорт при образовательных учреждениях и спорт по месту жительства) и спорт высших достижений. Кроме того, отдельной строкой прописаны отдельные подпрограммы, например, программа развития футбола, которая действует с 2008 года.

О необходимости данного подразделения министр сказал так: «Скрипач не может научиться играть, если у него нет скрипки. Если у керлинга элементарно нет льда, то вы не создадите возможности для занятий этим замечательным видом спорта. Поэтому наша задача прежде всего в том, чтобы сделать эту программу доступной для всех граждан, публичной. И каждый человек должен знать, что мы будем строить ближайшие пять лет, что будет построено именно в его городе, в его регионе, и вообще, на каком уровне он находится по обеспеченности».

В Министерстве образования был создан Департамент физической культуры и спорта. Это тем более важно, что любовь к спорту начинается с детского сада и школы. Была принята стратегия развития физического воспитания в школах: обязательные три часа, комплексные и президентские соревнования. В Минобороны удалось сохранить систему Центрального спортивного клуба армии, которая, правда, была несколько модифицирована под реформу. Было принято решение о выделении субсидий организациям типа ДОСААФ на развитие физической культуры и спорта с возможностью последующего государственного заказа. Ставится вопрос о развитии студенческого спорта. «2010 год был серьёзным годом проверки не только деятельности или возможностей Министерства спорта, туризма и молодёжной политики, — подчеркнул министр. — Напомню, что оно было создано 12 мая 2008 года. С точки зрения становления срок практически минимальный. Хочу также сказать о том, что за последние годы орган государственной власти физической культуры и спорта реформировался 17 раз. Поэтому, когда мы начинаем анализировать некоторые причины, это тоже является одной из причин. 17 раз! Это лишало людей стабильности, люди не знали, каким будет завтра, поэтому не было стабильности. Спорт был и в структуре Министерства социальной политики, был агентством — чем он только не был, этот орган! 12 мая правительство России и президент страны приняли решение с 2008 года создать Министерство спорта, туризма и молодёжной политики. Надеюсь, что это серьёзный, обдуманый шаг, связанный с оценкой физической культуры и спорта в жизни нашего общества, и как органа, и как отрасли, которая должна заниматься улучшением качества жизни россиян, влиять

на потенциал нашей страны, на все аспекты жизни, включая демографическую политику, качество жизни граждан, решая вопросы конкурентоспособности спорта в стране и спорта высших достижений. Я бы назвал это мерилем социально-экономического развития нашей страны, элемента единения наций и патриотизма, позитивного примера для нашей молодёжи, который даёт победы в спорте высших достижений. Именно это было положено в основу создания Министерства туризма, спорта и молодёжной политики».

Сейчас большой спорт развивается, для этого созданы все условия. За 2010 год было внесено около 30 нормативных актов, изменения в закон о физической культуре и спорте завершили формирование государственной политики в области борьбы с допингом, разграничив полномочия между субъектами Российской Федерации. На данный момент подписаны соглашения с почти всеми губернаторами регионов, каждому региону определена степень ответственности, в нормативные документы внесены изменения, модернизирована система управления спортом.

«Не бывает побед без поражений. Кто держит удар, у того обязательно будут победы. Я в своей жизни проигрывал очень много раз. Бывали поражения, которые могли заставить тебя бросить это всё или поддаться этой слабости. Я был в команде сборной по хоккею, когда ни один человек туда не шёл. Открывали газету — и на этих парней набрасывались все кому не лень. А они сидели побитые, разбитые, у некоторых — ссадины и кровь. Но те же люди год назад победили на чемпионате мира в Швеции. Так на лёд было не протолкнуться, все туда рвались — сфотографироваться с кубками и медалями. Просто мы должны понимать, что у спорта могут быть поражения».

Министр отметил, что в этом году Россия будет стараться перенимать опыт зарубежных стран, в свою очередь, заимствованный ими у СССР. Суть его заключается в том, что различные виды спорта были поделены между регионами и культивировались там если не веками, то десятилетиями. Теперь в России каждому региону приписан тот или иной вид спорта, а с 2011 года вообще планируется размещать государственные заказы. На это выделен 1 млрд руб., из которых 600 млн — на субсидии для подготовки резерва. Так, Красноярский край получил право заниматься подготовками таких видов спорта, как биатлон и лыжные гонки. На конец 2010 года были подписаны соглашения с 12 регионами России.

Только по федеральной целевой программе в период с 2006-го по 2010 год удалось построить почти 800 спортивных объектов. В 2011 году

будут введены чуть менее 300 спортивных объектов. В программе участвуют 77 субъектов РФ, а три года назад было всего лишь 40. С 2011 года право на господдержку будут иметь только те регионы, у которых будут собственные программы развития физической культуры и спорта. Программа состоит из нескольких составляющих: развитие материальной базы, развитие массового спорта, физкультурные комплексы, рекреационные зоны, доступная среда, а также развитие спорта высших достижений. В дальнейшем будет реализовываться социальный проект с «Единой Россией», в рамках которого уже построено 234 физкультурных комплекса, 70% из которых — в малых городах и сельской местности. Этот процесс будет продолжаться. Открывается программа строительства 500 бассейнов в высших учебных заведениях, по которой в 2010 году было построено 5, а в 2011 году планируется 17. Это новая программа строительства 25-метровых бассейнов, которая ориентирована на массовый спорт, она будет строиться на принципе долевого участия, в равных долях будут участвовать высшие учебные заведения страны, федеральный бюджет и субъекты Федерации. При этом министр уточнил, что строительство идёт достаточно медленными темпами, а потраченные в прошлом году на массовый спорт 4 млрд 100 млн — ничтожно малая сумма для такой страны, как наша. Тем не менее за последние годы материальная база спорта увеличилась на 5 тысяч объектов, в которых приняли участие не только федеральные, но и региональные, и даже частные компании, например «Газпром — детям». В целом единовременная пропускная способность функционирующих объектов составляет примерно 6,5 млн человек. При этом количество объектов должно увеличиться в три раза, чтобы удовлетворить потребности населения в спорте. В 2011 году планируется выделить субсидию в размере 50 млн руб. Паралимпийскому и Суболимпийскому комитетам на работу по организации физического воспитания среди инвалидов.

По итогам 2010 года количество регулярно занимающихся спортом граждан возросло на 2–2,5 млн человек, а всего количество должно составить чуть менее 30 млн человек. То есть, по мнению министра, темп взят неплохой, но одной из проблем является неравномерность распределения в регионах количества занимающихся. Также следует вовлекать регионы, которые сейчас почти не охвачены госпрограммами и мало внимания уделяют развитию физической культуры и спорта.

Финансирование отрасли сохранилось.

За прошедшие годы в неё было вложено 42,4 млрд руб. Из них на массовый спорт, включая строительство спортивных объектов, было потрачено более 12

млрд, на спорт высших достижений, включая спортивные базы и центры, — примерно 28,7 млрд руб., 509 млн — на научные разработки.

Так как в 2011 году бюджет развития физической культуры и спорта будет выделен отдельной строкой, то планируется, что цифры на финансирование существенно возрастут. Посмотреть их можно будет на сайте Минспорттуризма. Будет пять разделов: массовый спорт, спорт высших достижений, прикладные и научные исследования и другие вопросы в области физической культуры и спорта. Общие траты на развитие физической культуры и спорта составят около 43 млрд руб., а совместно с другими министерствами и ведомствами — более 50 млрд руб. Кроме того, особое внимание будет уделено развитию кадров в отрасли. За прошедший год количество граждан, работающих в областях физической культуры и спорта (организаторы, тренеры), увеличилось с 32 тысяч до примерно 39 тысяч.

Говоря о том, зачем понадобилось так укреплять государственную программу, министр поведал следующее: «Всё началось с Олимпийских игр в Ванкувере, которые мы никак не можем признать удовлетворительными. Начало года было очень тяжёлым. Мы чуть ли не впервые в истории заняли совсем не подобающее место. Но годом ранее мы тоже заняли совсем не призовое 11 место, поэтому тенденция к снижению уже наметилась. Это был серьёзный вызов, и наша задача — сделать правильные выводы. После этого министерство было подвергнуто серьёзной критике, было сказано и об отсутствии структуры в управлении, и о царящем в спорте хаосе, о полностью коррумпированной системе и о том, что наши федерации не способны управлять процессом. Удар нанесен мощный, но я рад, что нам хватило разума и спокойствия сделать выводы и предложения по изменению ситуации, которые были поддержаны высшим руководством — президентом, председателем правительства и правительством в целом. И мы смогли продолжить работу в спокойном режиме, реализовывая те инициативы и меры, которые были предложены по созданию выхода из кризисной ситуации. Я хотел бы отметить как положительный опыт всего этого, что из сложившейся ситуации министерство спорта вышло более сильной организацией, — сказал министр и добавил: — Мы стали органом, который не только вырабатывает государственную политику, но и органом, который её реализовывает». ☐

ДОСТУПНАЯ СРЕДА И УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН

Фонд содействия
реализации Конвенции
о правах инвалидов

Реклама

♥ ФОНД ПОМОЩИ ИНВАЛИДАМ Y РЕАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА КОНКРЕТНЫХ ЛЮДЕЙ КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Фонд создан для содействия реализации Конвенции ООН о правах инвалидов.

В выступлениях первых лиц государства мы часто слышим, что надо проявлять заботу о людях с ограниченными возможностями, в особенности о детях-инвалидах. Но мы верим, что эти начинания могут рождаться в ваших сердцах не только по призыву. Став благотворителем Фонда, Вы примете участие в решении острейших социальных проблем, поможете самым незащищенным людям.

Жить в стране, где 14 миллионов инвалидов, и не замечать их бед и страданий, неуютно, безнравственно и тревожно.

Тел.: +7 (495) 981 02 06
Факс.: +7 (499) 243 97 93
e-mail: info@aefund.ru
Сайт: www.aefund.ru

 УСТРАНЯЕМ БАРЬЕРЫ
 ОТКРЫВАЕМ ВОЗМОЖНОСТИ
 ДОБИВАЕМСЯ РАВЕНСТВА

МОСКВА — СОЧИ: 1980 — 1914

Архитектурные инновации Олимпиады
прошлого и будущего

Анна Диянова

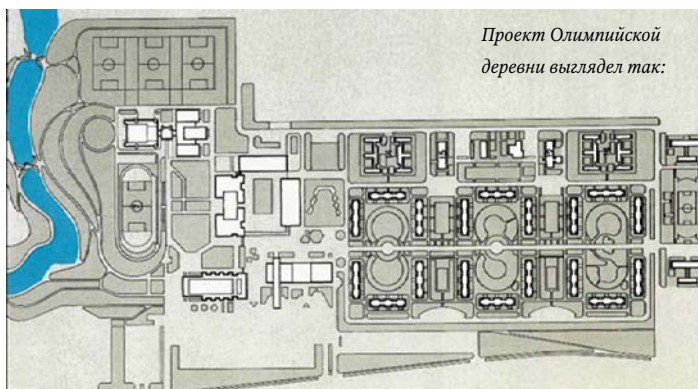
Помнится, в 2007 году, когда все узнали, что право проведения XX зимних Олимпийских игр выиграла Россия, мысли большинства людей были такими: «Сколько же мне будет лет?», «Получится ли поехать на Олимпиаду?», «Сколько будет стоить такая поездка?» и остальные лирико-философские размышления, не касающиеся непосредственно спорта. У наших родителей, конечно, в первую очередь всплыла в памяти Олимпиада-80.

Что же мы, люди другого поколения, выросшие в совершенно другой стране, привыкшие с детства к главным атрибутам «демократического» общества: «Макдоналдсам» на каждом шагу, кедам «Адидас» и кока-коле, — что мы знаем об этой Олимпиаде?

Московская Олимпиада запомнилась не только триумфом советской спортивной школы. После Олимпиады-80 остались стадионы, спорткомплексы и спортивные объекты, которые широко используются сегодня. Казалось бы, что может быть общего у этих двух Олимпиад, прошедшей и будущей, с точки зрения архитектурно-технических инноваций? Однако не торопитесь делать выводы. Здесь есть чему удивиться.

Москва-80. Олимпийская деревня

Для Советского Союза проект Олимпийской деревни стал самым инновационным и прогрессивным, в котором использовались самые последние мировые технологии, к проектированию и строительству были подключены иностранные компании и специалисты. Олимпийские игры проходили также в союзных республиках — Украине, Белоруссии, Эстонии.

Проект Олимпийской
деревни выглядел так:

Сегодня Олимпийская деревня в Москве — современный микрорайон, застроенный типовыми панельными домами тех лет и новостройками

На юго-западе Москвы в Олимпийской деревне были построены тренировочные базы, концертный зал, зоны отдыха. Для иностранцев работали бары-рестораны, парикмахерские, магазины, в которых можно было найти 26 (!) сортов колбасы — мечта любого советского человека. Идея новой Олимпийской деревни заключалась в том, чтобы на участке площадью 24 га предоставить комфортные условия для проживания 5000 участникам Игр. После проведения соревнований жильё досталось москвичам. У этого проекта одна особенность — широкая пешеходная улица в центре. Такие пешеходные пространства не были в традициях советской архитектуры.

Сочи-2014. Олимпийская деревня

Для Олимпийских игр в Сочи строятся две Олимпийские деревни: в горном и прибрежном кластерах. Основную задачу Оргкомитет Игр видит в том, чтобы сделать Олимпийские деревни в Сочи самыми удобными за всю историю Игр — поездка от Деревни до места проведения соревнований будет занимать не более 5 минут, а в горном кластере — не более 15 минут. К примеру, на Олимпиаде в Ванкувере спортсменам приходилось добираться от Олимпийской деревни до спортивного объекта больше часа.

Главную Олимпийскую деревню строят в Олимпийском парке Имеретинской низменности. Сейчас разрабатывается концепция прилегающей к морю территории с зонами для развлечений, а также набережная вдоль всей Деревни и площадь, находящаяся в центре

проекта и объединяющая все зоны. Всего на территории основной Олимпийской деревни построят около 1700 апартаментов общей площадью 162000 м², рассчитанных на 3000 человек.

К 2014 году между горным и прибрежным кластерами начнёт работать железная дорога протяжённостью 48 км с пропускной способностью 8,5 тысяч пассажиров в час, что позволит добираться из горного кластера в прибрежный всего за 30 минут.

Известные архитекторы Михаил Филиппов и Максим Атаянц создают проект Олимпийской деревни в горном кластере, точнее проекты медиадеревень в Красной Поляне — главном горнолыжном курорте Сочи.

Медиадеревни должны состоять из гостиниц и жилых домов. Затем, по замыслу инвесторов, они превратятся в модное курортное место. Одна из них, спроектированная Михаилом Филипповым, находится на отметке 540 м, там будут находиться музей, библиотека, концертный зал.

Вторая, по проекту Атаянца, будет построена на отметке 960 м. Третий объект Олимпийской деревни в горном кластере — это Роза Хутор, Олимпийская деревня, рассчитанная на 2400 спортсменов и сопровождающих.

Основная Олимпийская деревня на 3000 мест

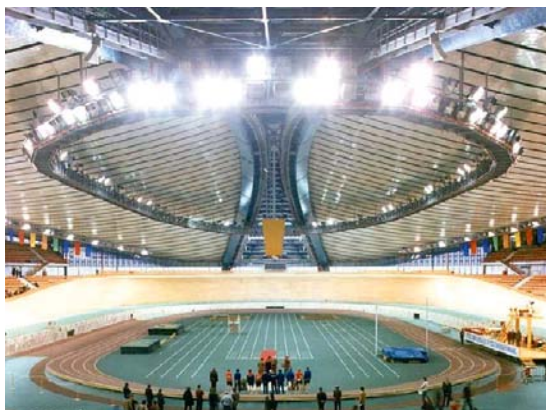
Олимпийский парк, Сочи

Москва-80. Спортивные объекты

СССР начал подготовку к Олимпийским играм по своим правилам и с впечатляющим размахом. Для освещения Олимпиады-80 рядом с Останкинским телецентром построили новый радиотелевизионный комплекс. Советский Союз стал первой страной в мире, где была применена единая система цветного телевидения. Благодаря этому спортивные болельщики во всех часовых поясах страны уже более 30 лет могут получать цветное изображение. Одновременно с запуском спутников и строительством нового телецентра организаторами Игр в Москве были решены многие сложные проблемы телефонной, телеграфной связи.

Когда Москва выдвигалась на роль столицы Олимпийских игр, то одним из аргументов в её пользу было большое число новых спортивных сооружений. В 1975-1980 годах, в соответствии с генеральным планом развития Москвы, Таллина, Ленинграда и Минска, были возведены с нуля 22 спортивных объекта, реконструированы около 20 спортивных и других сооружений

Арена спорткомплекса «Олимпийский»

для проведения Олимпиады. Среди них можно выделить Спортивный комплекс «Олимпийский», стадион «Лужники», аэропорт Шереметьево-2, стадион имени Кирова в Ленинграде, здание главного пресс-центра Олимпиады, где сегодня размещаются РИА «Новости» и Союз журналистов, олимпийские гостиницы «Турист», «Салют», «Космос».

В Москве участники соревновались на 27 аренах. Сильнейших атлетов приняли: самые большие тогда в Европе крытый стадион и бассейн спорткомплекса «Олимпийский», универсальный зал «Дружба» в «Лужниках», велотрек и кольцевая трасса в Крылатском, конноспортивный комплекс в Битце, стрельбище в Мытищах. Все они функционируют и спустя 30 лет.

Самой проблемной и трудоёмкой стройкой стал спорткомплекс «Олимпийский». Такого масштаба крытой арены в стране не было. Бассейн «Олимпийский» был признан самым крупным в Европе.

Москва представила олимпийцам крупнейшие сооружения: Большую спортивную арену, Дворец спорта ЦСКА, Малую спортивную арену в «Лужниках», Гребной канал в Крылатском, которые в 1976-1979 годах были реконструированы.

Сочи-2014. Спортивные объекты

После московской Олимпиады остались спальный микрорайон и самые крупные в Европе спортивные сооружения. Есть надежда, что Сочи после Олимпиады станет первым российским курортом мирового уровня.

К 2014 году в Сочи должно быть построено 235 объектов. Из них 11 — спортивные. Остальные — объекты инфраструктуры, возводимые для города Сочи как горноклиматического курорта, рассказывают в пресс-службе оргкомитета Сочи-2014.

Центральным проектом прибрежного кластера станет Олимпийский парк. Он объединит все спортивные объекты, парковую зону и объекты инфраструктуры. Впервые в истории зимних Олимпийских и Паралимпийских игр все ледовые арены будут расположены рядом. Одновременно в парке могут находиться около 70 тысяч посетителей.

Главным объектом Олимпийского парка и всего прибрежного кластера станет Центральный стадион. Композиция будущего Центрального стадиона в Сочи абсолютно уникальна

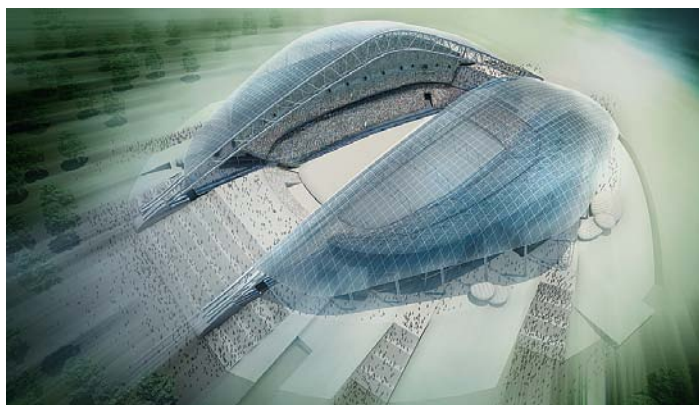
для России. Впервые при строительстве такого масштабного здания будет использована полупрозрачная поликарбонатная кровля, что придаст ему образ снежной вершины, которая гармонично вольётся в открывающуюся из Имеретинской низменности панораму Кавказских гор.

Большая ледовая арена будет второй по значимости в композиции парка. Замысел заключается в том, что днём арена будет выглядеть как идеальная «капля воды» с очень элегантно прорезанными арочными линиями, отделяющими непрозрачное покрытие от стекла. А вечером сооружение преобразуется за счёт медиафасада. В поверхность будут встроены светодиоды, дающие большое количество цветовых оттенков, и огромная сферическая поверхность наполнится рисунками по мотивам пасхальных яиц Фаберже.

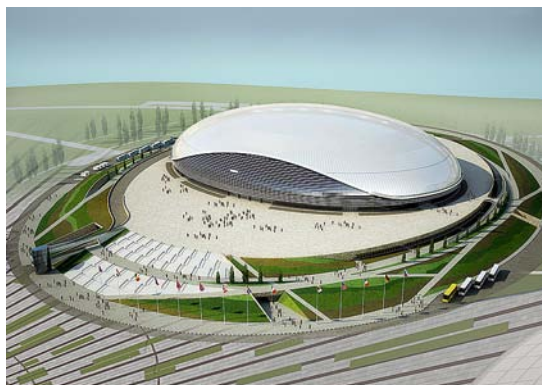
В Олимпийском парке построят Центральный футбольный стадион, Большую и Малую ледовые арены для хоккейных матчей, тренировочный комплекс с двумя хоккейными площадками, ледовую арену для кёрлинга, Дворец конькобежного спорта, тренировочную площадку и ледовую арену для фигурного катания и шорт-трека. Все здания в Олимпийском парке расположены по кругу. Но одновременно они образуют очень жёсткую и прочную пространственную конструкцию в виде креста. Главный архитектор Олимпстроя Олег Харченко объяснил суть проекта: «Четыре самых главных и самых крупных сооружения составляют две пары. Пара «Центральный стадион — конькобежная арена» нанизана на одну ось. При этом две гигантские арки стадиона стоят вдоль этой оси, а у конькобежной арены колоссальная арка на фасаде расположена поперёк нее, как бы останавливая разбег. Диалог двух других сооружений — Большой ледовой арены и Дворца для фигурного катания — построен на лейтмотиве непрерывной волны — геометризированной, привязанной к двум осям. Только на «фигурке» она несколько сдвинута, асимметрична по отношению к фасаду, что создаёт иллюзию движения».

В горном кластере будут находиться совмещенный биатлонный и лыжный комплексы, санно-бобслейная трасса, горнолыжный центр, комплекс трамплинов, а также сноуборд-парк и фристайл-центр.

Особенность всего проекта горного кластера состоит в том, что он должен быть идеально вписан в природный ландшафт. «И нет ни одной точки, которая позволила бы окинуть взглядом всю местность сразу», — говорит Олег Харченко.

Центральный стадион (проект)

Большая ледовая арена (проект)

Архитекторы особенно гордятся проектами сноуборд-парка и фристайл-центра. Уникальные снежные условия в сочетании со специализированными трассами для лыжного кросса, акробатики, могула, сноуборд-кросса, параллельного слалома-гиганта, хавпайпа гарантированно сделают этот объект постоянным местом проведения соревнований самого высокого мирового уровня.

Россия привыкла удивлять мир. Удивила в 1980 году, и вряд ли у кого-нибудь есть сомнения, что 2014-й станет годом настоящего триумфа, звёздного часа нашей страны. Представители МОК, ознакомившись с полным архитектурным проектом спортивных объектов, высказали опасение, что стройка слишком масштабная, и Россия может не уложиться в сроки, но, как известно, где наша не пропадала. Несмотря на весь патриотический пафос в прессе и на государственном уровне, мы действительно имеем повод для гордости. До встречи на Олимпиаде в Сочи! ☐

БЕЗ ПРЕГРАД

■ О грядущем проведении Олимпиады в Сочи говорят много: его и хвалят, и ругают. С одной стороны, речь идёт о поднятии интереса к спорту у молодёжи и тем самым воспитании здорового поколения, с другой — об очередных финансовых дележах налоговых денег в высоких сферах и возможных допинговых скандалах. Несомненно одно: проведение проекта такого масштаба автоматически обязано выявить различные стороны поднятой проблемы, в том числе и такие, на которые долгое время по каким-то причинам общество закрывало глаза. Это может быть не только недостаток финансирования, но и российский менталитет. Об одном из таких аспектов и пойдёт речь ниже.

Елена Любимкина

Среда мировоззрения

Олимпиада в Ванкувере прославилась среди россиян не только провалами российской олимпийской сборной. Почти сразу же широкий резонанс получили успехи. Только не сильных здоровых людей, а инвалидов. Людей с ограниченными возможностями, маломобильных групп населения, как их ещё называют. О них говорили гораздо меньше, чем о здоровых соотечественниках, в прессе на них почти не возлагали надежд. А они взяли и выиграла. Второе место по медалям, фактически — первое.

Летом 2010 года на проходившем в «Лужниках» международном форуме «Россия — спортивная держава» экспертами, занимающимся проблемами паралимпийцев, были проведены круглые столы, конференции и семинары. Отдельной темой стал паралимпийский спорт в имидже России, подробно рассказывалось о специфике паралимпийзма, а также был отмечен факт положительного влияния на мнение о России в мировом сообществе, основанный на известной фразе, что о развитости страны можно судить по её отношению к старикам, детям и инвалидам. Среди примеров были упомянуты проведение в декабре 2009 года на Красной площади Международного дня инвалидов, который посетил президент РФ Дмитрий Медведев, а также комплекс запланированных мероприятий паралимпийских видов спорта, которые должны будут пройти, начиная

с чемпионата мира 2011 года по лыжным гонкам и биатлону в Ханты-Мансийске.

Чуть позже, в декабре того же года, РИА «Новости» представило проект, к которому готовилось почти три года и который носит название «Спорт без преград». Одной из основных задач проекта, о которой говорил на презентации заместитель главного редактора РИАИВ Валерий Левченко, является не только расширение возможностей для занятий спортом людей с ограниченными способностями, но и улучшение условий их работы и досуга.

Это же подтвердил и глава города Сочи Анатолий Пахомов во время посвящённого проекту телемоста. В своём выступлении мэр отметил, что к проблеме паралимпийского спорта стоит подходить не только с позиции «высших достижений», но и рассматривая его в рамках адаптации для инвалидов самой городской (и не только) среды. В городе, который выбран столицей Олимпиады-2014, на конец 2010 года насчитывалось более 400 инвалидов-колясочников, более 500 инвалидов по зрению, около 300 инвалидов по слуху и около 1000 детей-инвалидов.

При этом мэр откровенно признаёт, что, несмотря на кураторство вопроса зампредом правительства РФ Дмитрием Козаком, до его решения ещё очень далеко. Было определено несколько первоочередных целей для создания безбарьерной для инвалидов среды: модернизация транспортной инфраструктуры, доступное обслуживание для людей с ограниченными возможностями, их комфортное размещение и создание уже упомянутой безбарьерной среды, в которую можно включить и первые три фактора. Всё это было разграничено по трём направлениям финансового обеспечения, под которые уже заложено финансирование: малозатратные, с использованием федеральных и местных бюджетов и финансsoёмкие. Общая запланированная сумма составила чуть меньше 2 млрд руб.

Также бюджетным (муниципальным или краевым) учреждениям были даны отдельные распоряжения изыскать средства и в обязательном порядке выполнить подготовленные архитекторами проекты для адаптации объектов под безбарьерную для инвалидов среду. В обязательном порядке (о чём еще летом упоминал на форуме «Россия — спортивная держава» вице-президент Паралимпийского комитета России Сергей Евсеев) новые спортивные сооружения строятся в соответствии с новыми нормативами, соответствующими интересам маломобильных групп населения. В частности, при строительстве учитываются определённая ширина дверных проёмов, требования к санитарным комнатам,

наличие удобных подъездов, пандусов, парковок для инвалидов и т. д. Отдельно был создан институт архитекторов, решающих вопросы приспособленности зданий для маломобильных групп населения. На конец 2010 года их численность составляла 19 человек.

Одновременно администрациями города и районов проводился анализ доступности объектов для инвалидов по аналогичным вышеуказанным показателям, результаты фиксировались в форме актов обследования доступности окружающей среды для маломобильных групп населения по 30 отдельным характеристикам. Уже по этим итогам были составлены реестры социальной инфраструктуры, не отвечающие требованиям доступности, предложенные на рассмотрение комитету г. Сочи по реализации подготовки к XXII Олимпийским играм и XI Паралимпийским зимним играм.

Слушая спикера, я вспоминала Мадрид и Барселону. Мы с мужем ехали из аэропорта на метро и, чтобы перейти на другую платформу, должны были подняться по лестнице высотой примерно с эскалатор московской «Киевской». В руках у Мишки оказался тяжеленный чемодан, набитый взятыми в отпуск вещами. Внезапно меня осенило.

— Стоп! Ищем лифт.

— С чего ты взяла, что он здесь есть? — удивился муж.

— Потому что у них была Олимпиада.

И после её проведения Испания считается одной из самых приспособленных для жизни инвалидов стран.

Лифт обнаружился прямо за углом. Вместе с нами на нём поехал не только опирающийся на палочку старичок, но и молодая дама с коляской, и парочка таких же, как мы, туристов с чемоданами и характерными аэропортовыми наклейками на них.

Но одной из самых основных проблем, пожалуй, даже перекрывающей вопросы непригодности инфраструктуры, мэр назвал само отношение здоровых к людям с ограниченными возможностями, определив его как проблему общей культуры населения. В частности, А. Пахомов отметил, что, даже если и заменить весь транспорт на приспособленный для инвалидов и сделать к нему удобные подъезды с тротуаров, проблема всё равно останется, пока автобусные остановки будут заставлены частным транспортом, и общественный вынужден будет из-за этого останавливаться посреди проезжей части, что, естественно, сильно затруднит доступ к нему и обычным людям, не говоря уж о тех, кто передвигается на колясках.

С проблемой активно борются. В частности, мэр упомянул активистов движения «Стоп, хам!», вешающих на машины любителей припарковаться, где не положено, яркие наклейки с соответствующим воззванием и умудрившихся повоевать даже с «голубыми мигалками».

Присоединяясь к мнению мэра, я бы, пожалуй, добавила и свои недавние наблюдения. К проблемам общей культуры населения можно отнести не только привычку оставлять свои машины перед остановками. Будучи беременной (и, таким образом, временно попав в категорию «маломобильных»), я сама очень остро почувствовала, что это такое, когда тебе не уступают место в метро или троллейбусе, сидя прямо под надписью «Места для...», и ты вынуждена при этом нависать над сидящим с лишним весом почти в 20 килограммов. Слава богу, я не инвалид и через несколько месяцев буду двигаться и переносить поездки в общественном транспорте так же легко, как это было до беременности. Но для того, чтобы очень хорошо понять человека, всю жизнь вынужденного передвигаться с трудом, этого оказалось достаточно. Воистину, как говорится, сытый голодного...

Открыв для себя удобство лифтов в европейском метро (аналогичными лифтами мне довелось воспользоваться и в Париже, и в Брюсселе, причём в некоторые из них можно было зайти прямо с улицы), после возвращения я принялась считать их же в московском. Пока на глаза (так, что его не нужно было искать) попался только один, в Митино. Но, к сожалению, он был заперт на ключ, а чтобы добраться до него, всё равно необходимо спуститься по лестнице, что сделать тому же колясочнику в одиночку почти нереально.

При этом не стоит думать, что в той же вышеупомянутой Испании для инвалидов нет никаких ограничений. Например, существуют режимные объекты, в число которых входят аэропорты, где инвалиду физически сложно передвигаться со скоростью потока (либо необходимо на какое-то время всё-таки покидать средство передвижения, например у рентгеновских аппаратов), при этом не создать пробку, не мешать другим и не повредиться самому. Для таких случаев существуют специальные службы, сотрудники которых помогут сесть инвалиду в коляску (а потом и в самолёт), провезут по всему зданию аэропорта и помогут вызвать такси. В испанских аэропортах эти сотрудники одеты в ярко-жёлтую форму, которая заметна издали.

По свидетельству же тех россиян, которые пытались воспользоваться аналогичными услугами в московских аэропортах, сделать это крайне сложно даже здоровому человеку, не говоря уж о том, чтобы проделать все нужные для посадки действия инвалиду

самостоятельно. Например, если рядом не окажется провожающих друзей или родственников, инвалиду в ту же самую коляску, предназначенную для передвижения по аэропорту и до самолёта, придётся пересаживаться самостоятельно, не говоря уж о том, каких усилий будет стоить её получение.

Поэтому ничего удивительного, что в один голос с мэром президент оргкомитета Сочи-2014 Дмитрий Чернышенко подтвердил, что первичным является не наличие пандусов для колясочников и дорожек для слабовидящих, не устранение физических барьеров, а изменение отношения к людям с инвалидностью в обществе. «Это огромная армия людей, — подчеркнул спикер, — которые каждый день совершают подвиг, просто выходя на улицу, и которые должны получить равные со всеми гражданами возможности для того, чтобы быть активными участниками всех процессов в обществе. В том числе и при подготовке к Играм». Президент напомнил о программе правительства по созданию безбарьерной среды по всей стране, концепция которой была разработана именно оргкомитетом, и сказал, что он рад, что наконец-то начался переход к конкретным действиям.

Поддержка на всех уровнях

В качестве положительной тенденции первый вице-президент, председатель исполкома Паралимпийского комитета Павел Рожков отметил повышение внимания СМИ к выступлениям инвалидов. «Я помню, что несколько лет назад мы добиться не могли того, чтобы на Паралимпийские игры приезжали представители средств массовой информации, чтобы соревнования показывали по телевидению, о них писали в газетах и журналах, — напомнил он и добавил: — Не случайно во время президентского послания Медведев, говоря о победах наших паралимпийцев (в Ванкувере — прим. ред.), подчеркнул, что они были достигнуты во многом не благодаря, а вопреки тем условиям, которые есть у нас сегодня в стране».

В качестве одного из примеров председатель привёл следж-хоккей: не секрет, что до недавнего времени в России вообще не было команд по этому виду спорта, а на ванкуверскую Олимпиаду следж-хоккеисты не попали только потому, что этот вид спорта не был включён в программу развития, несмотря на успехи спортсменов в Турине. Первый российский турнир был проведён в 2009 году, а первый международный турнир в России состоялся в декабре прошлого года. Кроме новичков, к которым можно отнести российскую команду, на турнир приехали такие зубры следжа, как норвежцы, корейцы, чехи. Тем не менее профессиональный рост российских

следж-хоккеистов отметили как организаторы игр, так и соперники.

Оба мероприятия прошли в Подольске, так как именно там находится центральный спортивный клуб «Витязь». Рассказывая о следж-хоккеистах, П. Рожков подчеркнул, что не все учреждения готовы предоставлять свои площадки для следж-тренировок и самих игр, так как требуется существенное переоборудование ледовых арен, начиная от специальных покрытий и заканчивая бортиками. На сегодняшний день в России таких действующих ледовых площадок всего две: подольский ЦСК «Витязь» и пережившая трагичные для многих государственных спортивных учреждений девятилетняя алексинская база «Ока» (Тульская область), которую в 2005 году было решено сделать центром паралимпийского спорта.

Впрочем, на ограничении количества мест для тренировок и игр проблемы не заканчиваются. Рассказывая о проведении второго зимнего паралимпийского дня, П. Рожков также вспомнил о недостаточном освещении в России вопросов классификации спортсменов. Во время написания статьи, сделав запрос в интернет-поисковиках, я с удивлением обнаружила, что председатель прав: более-менее внятную классификацию «для чайников» я обнаружила только на третьей странице и не на сайтах многоуважаемых и всеми цитируемых изданий, а на малоизвестном форуме, где недавно открывший для себя мир паралимпийского спорта человек делился знаниями с окружающими.

Суть классификации в том, что спортсменов оценивают прежде всего не по группам или степени тяжести инвалидности, а по функциональным возможностям и медицинским показаниям, которые позволяют соревноваться им в определённых категориях. Если же спортсменам разных функциональных классов всё-таки придётся соревноваться вместе, места между ними будут всё равно распределены в зависимости от их функциональных возможностей.

Лучшее начало — с малого

«Для спортсменов Паралимпийские игры — это вершина достижений, — высказала своё мнение начальник отдела развития массовой физической культуры администрации Краснодарского края Ирина Слонова. — Но чтобы добраться до этой вершины, необходимо, чтобы развитие начиналось снизу: со спортивных школ и специальных отделений при этих школах». При этом она уточнила, что, по статистическим данным, из более чем 400 тысяч инвалидов края только 4% занимаются спортом. При этом в крае проводятся значительные изменения, реализовываются различные государственные программы

и создаются условия для инвалидов. Среди всего прочего И. Слонова отметила, что большую роль играет развитие паралимпийского спорта не только в городах, но и в сельской местности. В течение трёх лет (до самих Игр 2014 года) будет проходить всекубанская акция в поддержку Олимпийских и Паралимпийских игр. А в феврале 2011 года было утверждено положение о проведении в текущем году Первой всероссийской летней спартакиады среди инвалидов. Одной из основных задач проведения Спартакиады является формирование здорового образа жизни и потребности людей с ограниченными возможностями здоровья в систематических занятиях физической культурой и спортом.

Слова И. Слоновой являются хорошим резюме для всего вышесказанного: адекватное восприятие людей, чем-то отличающихся от окружающих в силу своих физических возможностей, закладывается именно в детстве. Не буду спорить, что коррекционные классы необходимы, как и различные формы образования. Но самым лучшим будет, если мы дадим возможность здоровым детям научиться оказывать поддержку нуждающимся в ней окружающим и воспринимать чужие физические отклонения от нормы как должное, а не как повод для насмешек. А детям с ограниченными физическими возможностями — их право быть нормальными в мире нормальных. Потому что потом из детей вырастают взрослые люди, имеющие право на полноценную жизнь.

«Я благодарен своей семье за то, что, помогая мне, они ни разу не продемонстрировали своей жалости. А друзьям — за то, что ни разу не показали мне, что я теперь не такой, как они», — признался один из респондентов.

Он сидел в коляске и не мог дотянуться до форточки. Поэтому дома пришлось поменять окна на пластиковые — чтобы удобно было открывать. На работе есть грузовые лифты, а охранники настолько любезны, что на руках поднимают его прямо в коляске на три ступеньки выше. Но ему хочется научиться преодолевать их самостоятельно, без посторонней помощи. Поэтому начал ходить в фитнес-клуб недалеко от дома. Точнее, ездить.

Не важно, почему он таким стал. Главное, что ему очень хочется продолжать жить.

В заключение хотелось бы привести слова уже процитированного в статье Д. Чернышенко: «Было бы непростительной роскошью думать, что те гигантские усилия, которые совершает страна для того, чтобы провести Игры в Сочи, делаются только ради двух недель пусть даже самого большого спортивного праздника. Это делается ради исторического наследия, часть которого мы получили уже сейчас». ■

СИСТЕМНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КРИЗИС

■ Чтобы прочувствовать особенности спортивного развития России и отношения к спорту в стране, в первую очередь следует вспомнить относительно недавнее прошлое. Можно сколько угодно спорить о сходстве и различиях СССР и современной России, но, безусловно, нельзя не признать, что сходство определённо имеется, и чем дальше страна уходит от «лихих 90-х», тем больше это сходство проявляется, и наиболее ярко оно проявляется в спорте.

Алексей Кузнецов

Как и любая другая отрасль человеческой деятельности, спорт в СССР был поставлен в весьма жёсткие и предельно утилитарные рамки, с огромной разницей между истинными и декларируемыми задачами. На словах провозглашались почти античная гармония духа и тела, культ здорового образа жизни, разносторонне развитой личности — строителя прекрасного коммунистического общества. На деле же назначение спорта было вполне прагматичным — он должен был стать фабрикой по производству победителей, которые на всевозможных состязаниях обеспечивали бы прогрессивной стране то, что сегодня назвали бы имиджем. Иными словами, ставилась вполне рекламная задача — создать, как бы мы сейчас сказали, социальный клип государственного и международного масштаба.

В спорте относительно легко определить лучшего, во всяком случае, на любом состязании он более или менее выявляется. Поэтому очень заманчивой казалась утопическая идея создать, сформировать, вырастить чуть ли не научным путём, используя всю мощь государственных ресурсов, победителей, которые с математической закономерностью будут приносить стране победы на международных турнирах, тем самым выполняя пропагандистскую задачу и приучая весь мир к тому, что слова «СССР» и «победа» являются синонимами. Ну а поднять значимость

этих побед, красочно расписать их достоинства и ценность для страны — этот вопрос всегда казался чисто техническим. Журналистов и теоретиков для такого дела хватало во все времена и при любых режимах.

Предельная государственная утилитарность, свойственная отношению к спорту в советские времена, порой даже удивляет. Каждое достижение восславлялось с небывалым пафосом. Каждое международное поражение либо замалчивалось, либо для него находилась масса оправданий и смягчающих обстоятельств, произнесённых, так сказать, сквозь зубы, с плохо скрываемым раздражением. Классическим примером служит советский анекдот, появившийся в годы правления Никиты Хрущёва. Суть такова: в некоем спортивном состязании, скажем, забеге, участвуют двое — президент США Кеннеди и генеральный секретарь ЦК КПСС Хрущёв. Побеждает американец. Советская пресса пишет: «Никита Сергеевич был на финише вторым, американский президент — предпоследним». И ведь формально тут всё верно, не придерёшься!

Конечно, в СССР создавалась целая индустрия физкультуры и спорта, многоступенчатая система, охватывающая все возрастные группы нации, целенаправленно отбирающая самых талантливых и методично выжи-мающая из них все силы и здоровье. Однако

утилитаризм, свойственный советской методике и сдобренный ура-патриотическими идеями, всё же откровенен до неприличия, а демагогия, ему сопутствующая, мало кого могла ввести в заблуждение хотя бы потому, что качество её было не очень высоким, как и качество всей советской пропаганды.

СССР всегда декларировал себя как государство, находящееся во враждебном окружении. Стало быть, идеи «вечной борьбы» (чего стоит хотя бы сталинский постулат обострения классово-борьбы!) закреплялись не просто в общественном сознании, но и в индивидуальном сознании каждого человека. Спорт в этом случае становился живым и эмоционально притягательным воплощением этой самой идеи вечной борьбы. А победы наших на международном уровне служили символом грядущих побед социализма и грядущих идей коммунизма — символом тем более симпатичным, что спортсмены, а особенно спортсмены-победители, были объектами, вполне достойными восхищения и подражания. На этом пропагандистская машина всегда играла с особым удовольствием — поглядите, мол, какие красавцы и какие силачи эти спортсмены-победители! Ну как же можно ими не восхищаться, как же можно не понимать, что их победы — залог правильности нашего замечательного строя, верности курса партии и лично... Имя очередного вождя читатели разных поколений легко подставят самостоятельно.

Что же происходит в спортивной России сейчас? Довольно долгое время российский спорт питался наработками и кадрами ещё советских времён, ведь система организации советского спорта работала весьма эффективно, и запаса прочности её хватило примерно на 20 лет. Но на рубеже 2010-х годов произошло то, что давно уже предсказывали многие эксперты, в том числе и автор этой статьи. Строго говоря, никаким особенным экспертом быть не надо, чтобы понять: система, не работающая на будущее, обречена на неэффективность и в конечном счёте — на серьёзную поломку.

Для российского спорта ключевым моментом, своеобразной «точкой невозврата» стали Олимпийские игры в Ванкувере 2010 года. Сборная России потерпела там катастрофическое поражение, заняв лишь 11 место в неофициальном общекомандном зачёте и завоевав всего 3 золотые медали. Казалось бы, стоит хорошо подумать — а верно ли в принципе развивается российский спорт? Ведь ванкуверская

катастрофа стала лишь верхушкой айсберга! Во многих видах спорта в России давно наблюдается серьёзное отставание от мировых стандартов. Фигурное катание уже не приносит российским болельщикам радости. В лыжах и биатлоне — традиционно «медальных» российских видах — тоже происходит заметный спад результатов. Хоккейная сборная России, выиграв чемпионаты мира в 2008 и 2009 годах, проиграла в финале 2010-го, а перед этим золотые медали она выигрывала лишь в 1993 году! Про многие зимние виды спорта, активно развивающиеся в мире, и говорить нечего — горные лыжи, фристайл, прыжки с трамплина, двоеборье российским спортсменам неподвластны. Примерно такая же картина наблюдается и в летних видах спорта — в плавании, например, на мировом уровне россиянам приходится очень трудно. В лёгкой атлетике отдельные успехи спортсменов-самородков вроде Елены Исинбаевой не могут заслонить всех проблем развития «королевы спорта». Про футбол и говорить нечего — «успехи» сборной России после относительно удачного для неё чемпионата Европы 2008 года лучше не вспоминать...

Между прочим, после Ванкувера в России, словно спохватившись, заговорили о том, что на летних Играх в Лондоне 2012 года провал может быть ещё более оглушительным. Более того, «вдруг» стало понятно, что многие лидеры зимней сборной России «не дотянут» до Игр в Сочи 2014 года, а времени на подготовку новых звёзд практически не осталось...

Конечно, было бы странно списывать все неудачи российских спортсменов только на отсутствие должной подготовки. Да, система воспитания и воспроизводства новых ярких спортсменов после распада СССР была почти разрушена, а новой пока нет. Не то чтобы её не успели построить — нет, конечно, многие центры подготовки работают, остались тренеры, есть талантливая молодёжь. Но старые кадры неизбежно уходят с арены, а новых система попросту не успевает воспроизводить. И дело не только в спортсменах — не появляются новые тренеры, не успевает российский спорт за техническим перевооружением. Не работает система в целом.

Чтобы понять, почему так происходит, надо сравнить два типа подготовки, два принципа работы большого спорта. На мировом уровне именно эти две системы взаимодействия государства и спорта являются доминирующими. Одну из них условно

назовём «американо-канадско-европейской», а вторую — «советско-китайской».

В первом случае государство вообще ничего не платит за большой спорт. Оно вкладывает деньги в развитие того, что мы называем физкультурой, в развитие возможностей для любого человека, для любого гражданина страны заниматься спортом. Тому же, кто более талантлив, это позволяет двигаться дальше, в сторону большого спорта. А большой спорт находится на самофинансировании, это коммерческая деятельность, он окупает себя, как НХЛ, как НБА, как теннисные ассоциации, как любые другие виды спорта, где происходят коммерческие соревнования.

Но чтобы это работало, структура должна быть очень разветвлённой — должны развиваться все лиги по возрастам, от школьных до студенческих, как, скажем, в американском хоккее, в баскетболе, в американском футболе. Вот этого совершенно нет в «советско-китайской» системе, где в большой спорт целенаправленно вкладываются государственные деньги, после чего государство начинает требовать отдачи в виде крупных международных побед. И получается страшный перекося, потому что для государства становится выгоден результат, но невыгоден процесс — выгодно получать репутацию от спортивных побед, делать на этом свой государственный пиар, но невыгодно заниматься воспитанием резерва!

При этом деньги на развитие физкультуры, на развитие спорта в широком и массовом смысле этого слова тратятся государством гораздо меньше, чем на большой спорт. Потому и бросается в глаза громадное количество общедоступных спортивных сооружений, скажем, в США, Канаде, Англии, Франции, Германии и ничтожно малое, по сравнению с ними, в России.

Сейчас Россия занимает некое промежуточное положение между двумя названными системами. С одной стороны, она тянется в своё прошлое и в «китайское» будущее — когда государство имеет над спортом тотальный контроль — от денег до результата, от массовости до рекордов. С другой стороны, российские спортивные организации и спортсмены уже втянуты в «западную» систему спортивной организации. Смена руководителей российского спорта, отчасти произошедшая после Ванкувера, показала, что государственная модель пока побеждает: президентом Олимпийского комитета России стал вице-премьер

Александр Жуков, а министр спорта Виталий Мутко остался на своём посту, несмотря на его очевидную для многих некомпетентность. Попробовали и бизнес-модель: президентом Союза биатлонистов России стал олигарх Михаил Прохоров. Он рьяно взялся за дело, привлёк людей из других видов спорта, были разработаны многостраничные планы и графики, после чего... Россия благополучно провалила весь сезон 2010-2011 года, в том числе и домашний чемпионат мира в Ханты-Мансийске.

В России существует очевидная двойственность, дублируя спортивных руководящих органов. Федерации по видам спорта — это общественные организации, находящиеся в структуре Олимпийского комитета России и подчиняющиеся ему. Строго говоря, их область деятельности — спорт высших достижений. А работа Министерства спорта должна быть направлена на развитие спорта массового. Но большой спорт — это большие деньги и большой пиар, а разве может государство в современной России пройти мимо таких важных вещей? Вот и получается сплошное дублирование — государственная система финансирования спорта в России устроена практически по советской системе. Деньги даёт государство, соответственно, оно считает возможным требовать, руководить, назначать тренеров... А такая структура совершенно нелогична и неестественна.

Но есть ли основания полагать, что сама система финансирования и управления спортом может измениться? Боюсь, что в обозримом будущем этого не произойдёт.

Строго в соответствии с идеями государственного спортивного пиара Россия пошла по самоубийственному пути. Сумасшедшие деньги государство вкладывает само и заставляет вкладывать подконтрольный ему бизнес в крупномасштабные PR-проекты. За примерами далеко ходить не надо: Универсиада 2013 года в Казани, Олимпиада 2014 года в Сочи, чемпионат мира по футболу 2018 года, который должен состояться в России, — вот три спортивных кита, на которых сейчас строится весь российский государственно-спортивный PR. О проектах менее масштабных и говорить нечего — этап автогонок «Формулы-1» в том же Сочи и тому подобные мероприятия мгновенно становятся «новыми лозунгами спортивных достижений».

Между тем такие мероприятия готовятся и проводятся в режиме «чрезвычайной ситуации» — прежде всего в вопросах финансирования. Иными словами, создаётся база

для немыслимой по масштабам коррупции, о чём, например, при изучении подготовки к Играм в Сочи буквально кричат многие эксперты. Даже внешне ситуация, когда за короткий срок в госкорпорации «Олимпстрой» меняются четыре руководителя, говорит о явных неполадках в её работе. А ведь вопрос не только в том, чтобы не допустить «распила» государственных денег, но и в том, что под видом первоочерёдных государственных нужд в области спорта реализуются вовсе не такие нужные для государства мероприятия.

Государство, заботящееся о своём народе, в первую очередь реализует программы развития массового спорта и физкультуры для народа, извините за популизм, — широкомасштабного строительства доступных спортсооружений, организации работы секций для детей, спортшкол для молодёжи. Нельзя сказать, что в России такие работы не ведутся. Нет, конечно, постепенно строятся и катки, и футбольные поля, и бассейны. Но к ним относятся как к второстепенным вещам, а главные силы и финансы вбухиваются в Олимпиаду и ей подобные акции.

Между тем, по-хорошему, надо было бы делать всё наоборот. Сначала страна достигает высоких результатов не в большом спорте, а в развитии инфраструктуры, в том числе и спортивной, и только тогда, обеспечив своё население всем необходимым, начинает претендовать на проведение больших спортивных праздников. В России же считается вполне корректным заявлять: дайте нам чемпионат, и у нас появится повод построить всю инфраструктуру. Но кто или что мешает строить инфраструктуру в нормальном, а не в чрезвычайном режиме? Мешает отсутствие PR «в мировом масштабе» и чрезвычайного финансирования, при котором чуть ли не половина денег «распиливается»...

Беда ещё и в том, что навстречу России идут серьёзные международные организации, такие как Международный олимпийский комитет и Международная федерация футбола. Что дало основания МОК отдать Олимпиаду 2014 года России? Ведь Россия в качестве заявки представила в МОК не просто макеты будущих стадионов, нет! Она представила макеты макетов, иллюзию иллюзии, ведь к тому времени у России не было никакого чёткого плана олимпийского Сочи, он был утверждён гораздо позже и менялся уже несколько раз. Точно такая же картина и со стадионами для футбольного чемпионата мира 2018 года: в стране до сих пор нет НИ ОДНОГО стадиона, полностью удовлетворяющего всем

требованиям ФИФА для проведения чемпионата мира. «Ничего, — говорит российская власть, — всё построим! И всё останется россиянам».

И у многих чиновников хватает наглости говорить, что всё равно бы построили, просто теперь придётся шевелиться быстрее. Так кто же мешал строить раньше? На этот вопрос до сих пор нет ясного ответа.

Постсоветская Россия привыкла работать в режиме аврала. А Россия спортивная последние лет 15-20 работает именно в таком режиме. Вы помните, что ещё не так давно теннис в России и в СССР не считался коммерчески привлекательным видом спорта? А потом Борис Ельцин личным примером сделал его для страны чуть ли не приоритетным. Это ведь тоже разновидность аврала. Между прочим, Владимиру Путину, с его любимыми горными лыжами и дзюдо, добиться такого прорыва пока не удалось. Так вот, государство должно строить площадки, строить трамплины и трассы для фристайла, для сноуборда, для других видов спорта, делать так, чтобы их было много, пусть даже с избытком, и чтобы занимались на них люди в массовом порядке. Думаю, если бы большой спорт не находился под юрисдикцией государства и не питался бы из госбюджета, он развивался бы более активно, чем это возможно сейчас. Пример — тот же российский теннис: все российские мастера не получают от государства дотаций, а зарабатывают сами и вырастают в спортсменов международного уровня.

Сейчас все с ностальгией говорят о достижениях советских спортсменов. Они действительно были высокими, но цена этих достижений — наличие какой-то палочной системы спорта высших достижений. Получается, что такая система фактически существует только в тоталитарном государстве, а в демократическом обществе спорт неминуемо должен быть перестроен? Беда России именно в том и заключается, что, переведя спортивную жизнь в стране на демократический путь развития на словах, её фактически оставили прежней, а сейчас ещё и усилили роль государства там, куда ему врывать не обязательно. Спорт даже не остался на прежнем уровне! Он долгое время жил на каком-то диком, незаконном основании, в режиме чрезвычайного положения. Закона о спорте не было в течение долгого времени, а когда появился, оказалось, что он «с тоталитарным уклоном». Что ж удивляться тому, что настал действительно системный спортивный кризис... ■

ЯИЧНОЕ МНОГОБОРЬЕ И ДРУГИЕ

Екатерина Бондаренко

Олимпийские игры уже давно стали привычной частью современного мира. Каждый житель Земли, у которого есть телевизор, хотя бы раз в жизни видел соревнования по биатлону, бегу с препятствиями или плаванию. Однако не все виды спорта столь традиционны и привычны человеческому взгляду. Представляем вам ТОП-11 самых странных, на наш взгляд, видов спорта.

Метание мобильных телефонов

Финляндия

В конце 1990-х годов мудрые финны изобрели новый способ снятия стресса — они решили разбивать свои мобильные телефоны и даже сделали из этого вид спорта (со временем ставший национальным) — телефонбол. Основным критерием соревнований является дальность полёта аппарата, но помимо этого судьи учитывают также оригинальный стиль броска и артистичность бросающего. Интересно, что в соревнованиях могут принимать участие и команды — мужские, женские, а также сборные юниоров. На сегодняшний день абсолютным рекордсменом является Микк Лампи, который забросил свой телефон на расстояние 94 м 97 см.

Яичное многоборье

Великобритания

Уже несколько десятков лет в Великобритании существует странный, но признанный официальным вид спорта, — яичное многоборье. Во время соревнований яйца кидают на дальность, на меткость, носят в ложке во рту, но больше всего англичанам понравилась так называемая русская рулетка. В этом конкурсе в корзину кладётся шесть яиц, пять из которых сварены вкрутую, а одно не сварено вовсе, то есть сырое. Два «спортсмена», сидящих друг напротив друга, по очереди разбивают яйца о лоб оппонента до тех пор, пока по лбу одного из них не потечёт жидкое яичное содержимое. Этот участник соревнований выбывает, а его более счастливый (и чистый) соперник переходит в следующий тур.

Гонки на газонокосилках

Великобритания

Организовать подобное соревнование предложил англичанин Джим Гэвин в 1972 году, однако для того, чтобы воплотить его идею в жизнь, понадобилось 20 лет — первые официальные гонки на газонокосилках состоялись 1 апреля 1992 года. К участию допускались лишь аппараты со снятыми лезвиями, таким образом, садовый инвентарь превращался в гоночные «болиды».

В настоящее время гонщики соревнуются в четырёх категориях, в каждую из которых допускаются различные по техническим характеристикам «кары»: stock (до 16 км/ч), imow (до 32 км/ч), prepared (80 км/ч) и factory experimental (96,5 км/ч). Победивший в соревнованиях получает кубок и грамоту.

Одноколёсный хоккей

США

Уницикл — одноколёсный велосипед — уже давно стал излюбленным спортивным инвентарём молодёжи всего мира. Однако уницикл-хоккей завоевал всеобщие признание и любовь лишь в Германии и Великобритании.

В зале с твёрдым пластиковым покрытием десяток игроков, виртуозно лавируя на своих одноколёсных «конях», забивают клюшками голы в ворота противников. Одним из основных правил действия является отсутствие столкновений на площадке, что выполняется участниками неукоснительно.

Сепактакрау

Азия

Этот вид спорта представляет собой волейбол, в котором игроки отбивают мяч ногами. Высота сетки при этом такая же, как при игре в классический волейбол. При ударах по мячу помимо ног можно использовать плечи, голову, колени, в общем, все части тела, кроме рук. Подающий отходит к дальней от сетки черте площадки и ногой отправляет мяч на половину соперников. При этом принимающий мяч противник для удара может совершить сальто через голову или просто поднять ногу в шпагат. Играют по три человека с каждой стороны. Вот такое интересное сочетание волейбола, футбола и гимнастики.

Гонки людей с лошадьми

Великобритания

Идея создания этого вида спорта родилась в споре двух землевладельцев из городка Лануртид Уэллс в 1980 году. Один из спорщиков утверждал, что при беге на длинную дистанцию человек может обогнать лошадь, а другой, соответственно, утверждал обратное. Этот спор был подслушан предприимчивым Гордоном Грином, который решил проверить это утверждение и организовал соответствующее соревнование — ежегодный марафон Man versus Horse.

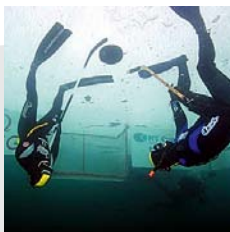
Дистанция соревнования составляет 22 мили (42,195 км) и проходит на пресечённой местности. Лошади выступают в соревновании вместе со своими наездниками. В течение 24 лет подряд в соревнованиях побеждала лошадь, но в 2004 году победителем стал «пеший» Хью Лобб, преодолевший дистанцию за 2 часа 5 минут 19 секунд. За победу он получил приз в 25 тысяч фунтов.

Подводное плавание в болоте

Великобритания

Всё тот же Гордон Грин из городка Лануртид Уэллс, который предложил человеку побегать наперегонки с лошадью, придумал ещё один не менее странный вид спорта. Для победы в нём спортсменам необходимо на скорость проплыть дистанцию в 60 метров по канаве, вырытой в болоте и заполненной грязью. Для участия в соревнованиях участники должны иметь при себе плавательную маску, дыхательную трубку и 15 фунтов стартового взноса. В возрастных ограничениях существует только нижний порог — участники не должны быть младше 14 лет. Абсолютной рекордсменкой соревнований является мисс Абигайл Джеймс — она проплыла 60 метров по грязи за 1 минуту 57 секунд. Для участия в соревнованиях в Лануртид Уэллс съезжаются жители Европы, США и даже Австралии.

Подлёдный хоккей

Австрия

В соревнованиях по этому виду спорта участвуют австрийские экстремалы, целью которых, как и в обычном хоккее, является максимальное количество забитых голов в ворота противника. Однако, в отличие от традиционного вида спорта, здесь команда состоит из одного игрока, а шайба находится не под ногами, а над головами спортсменов — с нижней стороны льда. В целом создаётся впечатление, что площадку перевернули вверх ногами.

Акваланги не используются, спортсмены просто задерживают дыхание. Для зрителей и болельщиков из-под льда ведётся прямая трансляция соревнований.

По данному экстремальному виду спорта уже состоялся первый чемпионат мира, чемпионами которого стали финны, опередившие сборную австрийцев, хозяев турнира, и сборную Чехии.

Переноска жён

Финляндия

Вид спорта существует с 1800 года. Муж должен пронести жену любым удобным ему способом 253,5 метра, преодолевая препятствия из воды, песка и травы. За каждый «урон» супруги участнику начисляют 15 штрафных секунд. Жёны, кстати, не должны быть моложе 17 лет и легче 49 кг.

Помимо одиночных «забегов» устраиваются ещё и групповые, где одну женщину несут три мужчины по очереди. А также есть «триатлон», в котором необходимо поднять даму на себе на холм, затем прокатить её на велосипеде без багажника, а в финале уже пробежать традиционную дистанцию.

Прыжки в длину на лошадях

Франция

Смысл соревнования довольно прост: так же как и при обычных прыжках в длину, участник разгоняется, бежит, а потом прыгает, стараясь в воздухе преодолеть как можно большее расстояние. Единственное отличие заключается в том, что здесь в роли участника выступает не человек, а лошадь с наездником. Этот вид спорта в 1900 году даже вошёл в программу Олимпийских игр, проводимых в тот год в Париже. Естественно, что в то время вся слава за выдающиеся прыжки доставалась наездникам.

Сейчас соревнования расширились, и лошадей заставляют прыгать не только в длину, но и в высоту. Причём теперь скакунов награждают шикарным «ужином победителей» — смесью их любимых злаков, отрубей и овощей.

Преследование сырной головки

Великобритания

Ежегодно в Глочестере (Великобритания) на вершине холма собираются несколько тысяч человек и ждут, пока сырных дел мастер пустит катиться по склону сырную головку. Цель соревнований ясна: кто первым догонит вкусную «беглянку», тот и победил. Вид спорта признан официальным. Британцы надеются, что рано или поздно он будет включён в официальную программу Олимпийских игр. ☞

Галерея "Дом Нащокина"
Семейные ценности
26 мая - 14 сентября

Выставка, посвященная целой семье, представители которой в разное время и эпохи становились художниками

*Петр Пашкевич
Андрей Пашкевич
Наталья Рюрикова
Анастасия Рюрикова-Саймс
Кирилл Рюриков-Радо
Грет Ван-Хальст (Пашкевич)
Мария Рюрикова*

Вход на выставку - свободный!
Галерея «Дом Нащокина» работает
ежедневно с 12.00 до 21.00
м. «Маяковская», Воротниковский пер., 12
Телефоны: 699-11-78, 699-47-74
www.domnaschokina.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ШАХМАТЫ: ПЯТЬ ПРОТИВ, ПЯТЬ ЗА. НИЧЬЯ

Евгений Гик

■ Недавно мне позвонил один поклонник шахмат и взволнованно спросил: «Это правда, что компьютеры обыгрывают чемпионов мира? Выходит, шахматы умерли?..»

Звонок любителя заставил меня всерьёз задуматься о судьбе шахмат, ведь его недоумение можно сформулировать не так эмоционально, а более точно: «Почему шахматы, собиравшие раньше полные залы, на рубеже веков и в начале 2000-х потеряли свою былую популярность?»

Не секрет, что золотой век шахмат давно миновал и общественный интерес к ним заметно упал. Если в середине 80-х трудно было достать билет на матч «Карпов — Каспаров» в Колонном зале, то спустя 10 лет на турнирах с их же участием залы пустовали. Если раньше многие журналы и газеты считали своим долгом иметь шахматный отдел (и «Смена» не исключение!), то теперь шахматы появляются в них лишь эпизодически. О поединке за звание абсолютного чемпиона мира «Крамник — Топалов» в 2006 году пресса вспомнила лишь тогда, когда в Элисте разразился «туалетный скандал». Партии матча почти не обсуждались, зато многие издания подсчитывали, как часто Владимир Крамник бегал в туалет во время игры. Если в 60–80-е годы шахматы были желанны на ТВ, то теперь их там не увидишь, какую кнопку ни нажимаешь. Чем это объяснить? «Как же это всё произошло, ведь немало времени прошло, — поёт Игорь Николаев. — У меня на это пять причин...» У автора этой статьи на это тоже пять причин. Проанализируем ситуацию с двух точек зрения — за и против.

Народная игра

После горбачёвской перестройки у молодёжи появилось много новых возможностей — и увлекательных, и сулящих материальную выгоду. В результате у шахмат, которые в списке увлечений всегда находились в числе лидеров, появилось много конкурентов. Так, если говорить о спорте, в моду вошли малоизвестные боулинг, гольф, снукер, фитнес и даже полузапрещённые карточные игры покер и бридж. А юноши и девушки с «интеллектуальным уклоном» получили возможность, помимо шахмат, реализовать свой творческий потенциал самыми разными способами, прежде всего в компьютерах и бизнесе. В таких условиях шахматам — не слишком зрелищному, к тому же не олимпийскому виду спорта (президент МОК Хуан Антонио Самаранч и президент ФИДЕ Кирсан Илюмжинов двигались навстречу друг другу, но так и не довели дело до конца) — трудно удержаться на прежней

высоте. Кстати, ещё больше пострадали шашки, которые ныне вообще исчезли с горизонта.

КОНТРАРГУМЕНТЫ. Да, ничего не поделаешь, смотреть боксёрские схватки или гонки «Формулы-1» интереснее, чем на разыгрывание сицилианской защиты, пусть даже в исполнении шахматных корифеев. Но много ли среди ваших друзей боксёров, автопилотов или гольфистов? Не уверен. А шахматистов? Наверняка у каждого найдётся знакомый, который прилично играет или хотя бы знает ходы и следит за шахматными событиями.

Примечательно, что сейчас стремительно развиваются детские шахматы. На самом высоком уровне активно обсуждается вопрос о внедрении шахмат в школьную программу (как обязательный или как факультативный предмет). А во многих школах Москвы (и, например, Элисты!) шахматы давно преподают во внеурочное время. Увеличивается приток мальчиков и девочек в кружки и секции, проводится масса турниров и чемпионатов. Так, клуб имени Т. Петросяна посещают более 300 детей. В интеллигентных семьях родители стремятся к гармоничному развитию своих чад. И если для накачивания мускулатуры есть большой выбор (футбол, плавание, теннис), то для гимнастики ума у шахмат по-прежнему нет соперников, и родители это понимают.

Что же касается потери общественного интереса, то, как заметил претендент на мировую корону, молодой гроссмейстер Александр Гришук, в СССР популярность шахмат была искусственно раздута, поскольку они (вместе с балетом и космосом) составляли часть идеологии, да и возможностей увлечься чем-то вне школы было раз-два, и обчёлся. Но и сейчас шахматы — по-прежнему народная игра. Говоря афористично, если раньше они были незаслуженно популярны, то теперь незаслуженно непопулярны. Как и прежде, проходят чемпионаты мира, Европы, страны, многочисленные международные соревнования, личные и командные, среди мужчин и женщин, среди юношей и ветеранов, и так далее.

Двоевластие

Весьма сильно ударило по шахматам разрушение традиционной системы розыгрыша первенства мира. Когда-то здесь была полная ясность: Ботвинник, Смыслов, Таль, Спасский, Фишер... Имена шахматных королей хорошо

знали даже те, кто не отличал коня от слона. Но в 90-е годы всё изменилось, на шахматном олимпе произошла настоящая путаница. Увы, одним из виновников такой метаморфозы стал, как ни странно, гениальный игрок, но большой себялюбец Гарри Каспаров. 20 лет назад перед очередным матчем за корону, не желая делиться с ФИДЕ призовым фондом, они с англичанином Найджелом Шортом покинули её и создали свою собственную организацию — ПША (Профессиональная шахматная ассоциация). В результате в шахматном движении произошёл раскол, появились две версии первенства мира — ФИДЕ и ПША — и два чемпиона. Неожиданно Карпов, уступивший в претендентском отборе Шорту, вернулся на трон. Ситуация совсем запуталась, а любители игры были разочарованы. Впоследствии оба — и Каспаров, и Карпов — потеряли свои титулы. ПША благополучно рухнула, но ещё долго на двух тронах восседали два короля. Помню, в 2006 году в интервью с Василием Аксёновым, большим знатоком спорта, я спросил: «Знаете ли вы, кто сейчас чемпион мира?» — «Само собой, — ответил писатель, — Каспаров». — «А вот и не угадали. Между прочим, он уже давным-давно не чемпион». — «Вы меня убиваете! Куда же делся Гарри? Да, что-то тут у вас сильно запутано...»

И правда, наличие одновременно двух конкурирующих лидеров раздражало поклонников игры, и, пребывая в полном недоумении, многие из них охладели к шахматам.

КОНТРАРГУМЕНТЫ. За 120-летнюю историю чемпионатов мира случалось всякое. Так, один матч вообще до сих пор ставится под сомнение (Ласкер — Яновский, Париж, 1909), другой, спустя 80 лет, был прекращён в самый неподходящий момент (Карпов — Каспаров, Москва, 1985). Что касается современных противоречий, то, в конце концов, президент ФИДЕ Кирсан Илюмжинов сумел добиться своей цели и спустя 15 лет восстановил долгожданное единовластие. В 2007 году в турнире по круговой системе сильнейшие гроссмейстеры мира «избрали» нового чемпиона, им стал индийский гений шахмат Виши Ананд, опередивший при этом своего предшественника Крамника. В 2008-м Ананд взял верх над ним в матче-реванше, а в 2010-м обыграл и Веселина Топалова, не участвовавшего в цикле. Таким образом, была поставлена последняя точка: Ананд — шахматист № 1 на планете. Вопросов больше не осталось, кроме одного: почему чемпион мира не россиянин?!

Эра новых чемпионов

Вот мы и подошли к теме, которая послужила отправным пунктом для данной статьи.

Может ли машина мыслить? Этот вопрос возник в середине прошлого века одновременно с появлением быстродействующих ЭВМ. Ещё на заре компьютерной техники в качестве модели для проверки «разума» машины были выбраны именно шахматы (недаром великий Гёте называл их «пробным камнем интеллекта»). Можно сказать, что наука дала положительный ответ на поставленный вопрос. Ныне в этой самой интеллектуальной игре компьютеры обыгрывают супергроссмейстеров, не щадят даже чемпионов мира.

В 1996 году состоялось историческое событие — чемпион мира Каспаров в полноценном матче из шести партий с суперкомпьютером «Дип Блю» не без труда взял верх 4:2. А через год новый поединок завершился поистине сенсационно — «дипблюшник» обыграл шахматного короля — 3,5:2,5. Впервые в истории сильнейший человек на планете был повержен машиной. В те дни во всех информационных агентствах мира это сообщение стояло на первом месте.

Спустя пять лет «отомстить за человечество» попытался Крамник, преемник Каспарова, но его встреча с программой «Фриц» привела к ничьей — 4:4. В 2003-м Каспаров сразился с программой «Джуниор», и вновь битва закончилась мирно — 3:3. В том же году прошёл четвёртый поединок Каспарова с машиной, более короткий, и опять завершился вничью — 2:2. После пяти матчей паритет между шахматным и электронным чемпионами сохранялся. А в 2006 году состоялась очередная битва Крамника и «Фрица», и компьютер разгромил чемпиона мира — 4:2, причём не проиграл ни одной партии. Перевес электронных чемпионов над «белковыми» уже не вызывал сомнений, видимо, поэтому подобные матчи больше не проводятся. Похоже, эра новых чемпионов наступила окончательно и бесповоротно.

Контраргументы. Да, надо признать, что появление электронных гроссмейстеров заметно пошатнуло величие «белковых», престиж корифеев был сильно поколеблен. В прежние годы видные шахматисты казались небожителями, теперь же они спустились на землю и выглядят как нормальные люди, а не «ума палата». Но ведь ещё Михаил Ботвинник, в 60-е годы всерьёз занявшийся разработкой шахматной

программы для ЭВМ, успокаивал любителей шахмат: «Машины давно обгоняют людей, но интерес к соревнованиям по бегу от этого не уменьшается». Ботвинник, безусловно, был прав: скорости автомобилей сегодня космические, а рекорды великого Усейна Болта из Ямайки на стометровке вызывают восхищение.

Примечательно, что если на первых порах специалисты по ЭВМ и кибернетике обращались к шахматам в научных целях, то теперь шахматисты взяли реванш — извлекли много пользы из общения с машинами, особенно в связи с бурным развитием персональных компьютеров и Интернета. Программы досконально анализируют позиции (из-за этого пришлось отменить доигрывание), находят неожиданные комбинации, проверяют задачи и этюды.

Игра с машиной не только доставляет удовольствие, но и повышает квалификацию. Мастера и гроссмейстеры загружают в свои компьютеры дебютные картотеки и банки партий, а тренеры подбирают материал для учебных занятий. Шахматы значительно помолодели, уровень их повысился, всё больше юных шахматистов становятся гроссмейстерами, ещё не закончив школу. И всё это заслуга компьютеров.

Гроссмейстер уступает машине, и хотя это подрывает авторитет сильных шахматного мира сего, не надо забывать, что, по существу, побеждают они, правда, в смежной интеллектуальной области.

Тысячи любителей и профессионалов играют в Интернете, экономя время и средства. Так что шахматы, скорее, счастливая игра — в каком ещё виде спорта можно участвовать в соревновании, не выходя из собственного дома?

«А на фига?»

Увы, в шахматах сейчас почти не осталось ярких личностей уровня Ботвинника, Смылова, Кереса, Бронштейна, Таля, Полугаевского. Некоторые игроки даже не считают нужным получить высшее образование, а многие звёзды отличаются удивительным пофигизмом. Например, автор этих строк пригласил как-то одного из ведущих российских гроссмейстеров Петра Свидлера в редакцию провести «прямую линию». Не помню точного ответа гроссмейстера, но смысл его был вполне однозначен: «А на фига?». Другой же участник чемпионата мира Александр Морозевич однажды заявил:

«Хочу сделать паузу в общении с прессой». А что, если пресса сделает паузу в общении с ним? Не забудут ли его имя очень быстро? И, кстати, не из-за такого ли пофигизма значительно упали результаты Морозевича?

Публичные люди всегда считали своим долгом общаться с журналистами, причём их больше волновал не собственный пиар, а возможность повысить популярность того дела, которому они себя посвятили. Но бывают, как видим, и исключения.

В прежние годы советские гроссмейстеры готовы были часами обсуждать в СМИ любые шахматные темы. При этом в чемпионатах СССР с их участием зал был переполнен, невозможно было достать билет. У сегодняшних супергроссмейстеров чересчур много апломба, самовлюблённости и самодовольства. На предложение побеседовать они только морщатся: «А на фига?». Ну что ж, тогда нечего удивляться, что на чемпионатах России (с участием тех же Свидлера и Морозевича) присутствуют два с половиной зрителя. Как бы не растерять и их!

КОНТРАРГУМЕНТЫ. Как мы установили, гроссмейстеры — обычные люди, только лучше других двигают деревянные фигуры по доске. Популярность шахмат сейчас больше зависит от ярких личностей в руководстве, а с этим как раз всё в порядке. Какой ещё вид спорта, кроме шахмат, может похвастаться тем, что федерацией руководит вице-премьер Александр Жуков? Набравшись опыта, он стал президентом ОК России, а на смену пришёл помощник президента страны Аркадий Дворкович. Будем надеяться, что у этих колоритных личностей любовь к старинной игре не остынет, и они ещё принесут шахматам немало пользы. А там, глядишь, появятся и яркие фигуры среди игроков.

Деловые люди

Как ни обидно, пренебрежительно к шахматам иногда относятся и самые именитые гроссмейстеры. Почти весь прошлый год шла борьба за пост президента ФИДЕ между Кирсаном Илюмжиновым и Анатолием Карповым, которого поддерживал его ещё недавно «злостный враг» Гарри Каспаров. Они вели кампанию под лозунгом «Шахматы на краю пропасти, и их надо спасать». Удивительно, но именно два «К» в последние годы делали всё, чтобы шахматы оказались на краю пропасти. О роли Каспарова уже говорилось выше. Немало грехов

и у Карпова. Например, 10 лет назад в Колонном зале должен был состояться уникальный матч-турнир трёх «К»: Карпова, Каспарова и Крамника, трёх чемпионов мира, трёх учеников Ботвинника, посвящённый 90-летию патриарха. Уже были выпущены брошюры, по всей Москве красовались афиши, а Анатолий Евгеньевич, взвесив все за и против, в последний момент, как говорится, кинул двух своих коллег и переметнулся в чемпионат мира ФИДЕ, что, судя по всему, сулило ему больше выгод. Дело кончилось фиаско (Карпова выбил из сетки неизвестный китайский шахматист), но это уже другой вопрос.

А спустя несколько лет Карпов согласился участвовать в суперфинале первенства России, кстати, последнем с участием Каспарова. Все предвкушали увлекательное зрелище, напряжённую борьбу между двумя корифеями, но... вечером в день старта Карпов заявил, что бизнес для него важнее шахмат, и поэтому он отказывается играть. В результате зрители на чемпионате практически отсутствовали. Можно ли представить себе Капабланку, Алёхина, Ботвинника или Таля, которые накануне крупного турнира объявили бы, что у них есть дела поважнее? Не случайно Кирсан Илюмжинов, бескорыстно любящий шахматы, более того, в отличие от двух «К», вложивший в них около 50 миллионов долларов собственных средств, на выборах в Ханты-Мансийске легко победил с баскетбольным счётом 95:55...

КОНТРАРГУМЕНТЫ. Карпов уже давно не входит в сотню сильнейших, в соревнованиях борется за последние места. Пару лет назад на турнире в Италии, сыграв 9 партий, он набрал... одно очко (две ничьи и семь поражений). Каспаров по-прежнему силен, но с головой ушёл в политику. К счастью, большинство элитных шахматистов охотно откликаются на призыв сыграть в интересном для публики состязании. Например, многие зарубежные звёзды с удовольствием собираются в Москве на Мемориале Таля, и этот супертурнир, благодаря Аркадию Дворковичу, помощнику президента России и главе наблюдательного совета РШФ, стал традиционным (раньше в столице ничего подобного не было). Шахматная жизнь продолжается! ♣

ДЩЕРЬ ПЕТРОВА

Светлана Бестужева-Лада

Объявленная всеми дипломатами Европы самой красивой принцессой, она могла стать французской королевой — Пётр I сватал её юному королю Людовику XV. Но надменный Версаль отверг «дочь прачки», предпочтя ей старую деву — дочь свергнутого польского короля Марию Лещинскую. А жаль. Именно роль французской королевы была бы для Елизаветы самой подходящей — балы, маскарады, кургузные забавы, прославленная роскошь французского двора... Увы!

Она могла бы стать супругой блистательного Мориса Саксонского — побочного сына польского короля Августа II. Но этот брак был слишком уж авантюрным с точки зрения Петра: отдать цесаревну за бастарда, пусть и королевского...

Пётр скончался, и акции Елизаветы на брачном рынке Европы резко упали. Посватался к ней принц Голштинский Карл-Август, младший брат правящего герцога. Партия эта была более чем скромная, но... в июне 1727 года жених умер, так и не дойдя до алтаря. А вскоре скончалась и мать Елизаветы, после чего судьба принцессы стала вообще непредсказуемой...

Елизавета, пятый ребёнок Петра I и Екатерины Василевской (бывшей Маргты Скавронской), родилась в декабре 1709 года в подмосковном селе Коломенском. Как раз в этот день Пётр I торжественно въехал в Москву после победы в битве под Полтавой, и ему сразу доложили о рождении дочери.

Пётр нашёл новорождённого младенца здоровым и на радостях устроил пир в честь дочери, а не военной победы. Девочке дали редкое на Руси имя — Елизавета (тогда оно писалось «Елисавет»). После неё у Петра и Екатерины, уже в законном браке, родилось ещё шестеро детей, но ни один из них не дожид до четырёхлетнего возраста. Лизонька так и осталась младшей и любимой.

Детство и юность Елизавета провела в подмосковных сёлах Преображенском и Измайловском. Воспитание она получила весьма своеобразное: прекрасно говорила по-французски, восхитительно танцевала, но грамоту, историю и географию так никогда и не постигла. Уже будучи императрицей, страшно удивилась тому, что Англия — это остров. Никогда ничего не читала, писать не любила, зато обожала верховую езду, охоту и очень много времени уделяла уходу за собой.

После кончины матери, императрицы Екатерины I, и восшествия на престол племянника Елизаветы — юного Петра II, возник план брачного союза дочери и внука Петра Великого. Жениху, правда, шёл только тринадцатый год, но он довольно рано созрел физически, подобно своему великому деду. Увы, созрел лишь для плотских утех и развлечений, государственные дела его волновали мало. В этом они с Елизаветой были похожи, но... Елизавете не нужен был супруг-ребёнок, даже с императорской короной в придачу. К тому же Православная церковь резко воспротивилась этому «брачному прожектору», а Елизавета была чрезвычайно набожна.

Впрочем, основным препятствием на пути к этому союзу стала даже не церковь, а всеильный тогда Александр Меншиков. Он предпочитал видеть императрицей собственную дочь, а не дочь бывшей любовницы. Петра обручили с Марией Меншиковой, а Елизавета... серьёзно увлеклась сержантом гвардии Александром Бутурлиным и забыла обо всём на свете.

Зато Пётр II не забыл свою любимую тётушку и в 1729 году отослал бравого сержанта на Украину. Елизавета поплакала и нашла утешение в объятиях Семёна Нарышкина, обергофмейстера двора. В Москве заговорили о возможном браке — Нарышкин был достаточно знатного рода. Но опять вмешался царственный племянник (обручённый к тому времени

уже с Екатериной Долгоруковой), и обер-гофмейстеру пришлось срочно эмигрировать во Францию.

До самой смерти император ревновал свою тётку к другим мужчинам и изрядно портил ей личную жизнь. Когда прусский посол предложил устроить брак Елизаветы с брандербургским курфюрстом Карлом, Пётр отказал, даже не посоветовавшись с царевной. Он всё ещё мечтал освободиться от навязанной ему невесты и сделать императрицей свою любимую тётку, дружба с которой была очень тесной: тётка с племянником много времени проводили в совместных прогулках верхом и на охоте. Тут уже вмешались Долгоруковы, боявшиеся, что легкомысленная цесаревна разрушит их собственные планы породниться с царём. Любимец Петра Иван Долгоруков познакомил Елизавету с красавцем-гренадером Шубиным, и Лизонька в очередной раз потеряла голову. Шубина тогда от ссылки спасло то, что Пётр II скорострительно скончался в 1730 году, так и не женившись ни на ком.

По завещанию Екатерины I, престол должна была наследовать Елизавета, но Верховный тайный совет проигнорировал волю покойной императрицы, ссылаясь на то, что как раз в это время Елизавета ждала ребёнка от Шубина. На российский престол «верховники» пригласили Анну Иоанновну, одну из племянниц Петра Великого. Десять лет этого правления стали для Елизаветы настоящим кошмаром.

Она почти безвыездно жила в Александровской слободе и была очень далека от политической жизни. Безропотно присягнула своей двоюродной сестре, которую почтительно звала «тётенькой». Утешалась Алёшенькой Шубиным и вполне простонародными забавами с близкими подругами. Но властная и подозрительная Анна Иоанновна сослала Шубина на Камчатку и стала делать вид, что подыскивает Елизавете подходящую партию.

Полное равнодушие к политике и неспособность к интригам спасли Елизавету от пострижения в монастырь. А всех женихов Анна Иоанновна под тем или иным предлогом отвергала. Так и осталась Елизавета официально девицею, хотя при этом регулярно беременела от случайных любовников, но о судьбе её детей ничего не известно.

Двор переехал в Петербург. Пришлось и Елизавете покинуть милую её сердцу Москву и следовать за «тётенькой». Правда, и в Петербурге она поселилась подальше

от неё — в деревеньке Смольной, лишь изредка появляясь на придворных балах и куртагах. Она обожала эти развлечения, но панически боялась гнева императрицы, который мог разразиться в любую минуту: как на грех, Елизавета становилась всё красивее и обольстительнее. К тому же фаворит Анны Эрнст Иоганн Бирон благоволил к Елизавете, мечтая женить на ней своего старшего сына. Этого брака «дочь Петрова» боялась ещё больше, чем гнева императрицы.

Зато гвардия принцессе просто обожала, видя в ней несправедливо обойдённую дочь великого императора. Елизавета, как и её отец, не гнушалась быть крёстной у детей простых солдат, частенько устраивала скромные пирушки для офицеров, а в личной жизни нашла долгое и прочное счастье в лице простого украинского певчего — Алексея Разумовского.

Мало кому известен интересный факт: вероятней всего, именно Елизавета Петровна стала у нас родоначальницей жанра романа! Она отлично музицировала и слагала вирши — крайне несовершенные, но искренние и, естественно, о любви. Однако оказавшись в объятиях весёлого и доброго красавца Разумовского, Елизавета перестала сочинять романсы и увлеклась украинской кухней, которая бесповоротно испортила её фигуру — красавица «поехала вширь». Это, впрочем, мало заботило и её, и её любовника. Оба любили хорошую еду, удобную постель и были совершенно равнодушны к политике.

Императрица Анна Иоанновна, желая закрепить престол за потомками своего папеньки, царя Иоанна V, в очередной раз подготовила почву для дворцового переворота в России, выдав замуж свою единственную племянницу Анну за принца Антона Брауншвейгского и повелев именным указом, что ребёнок, родившийся от этого союза, станет императором (или императрицей) России. И велела всем немедленно присягнуть ещё не зачатому младенцу.

Присягнули ночью, не понимая толком, кому или чему присягают. Но когда спустя положенное время Анна Леопольдовна родила сына, крещённого Иоанном в честь деда, положение несколько прояснилось. Императором предстояло стать именно этому младенцу, его мать получила звание правительницы, а регентом императрица почти перед самой своей кончиной назначила своего фаворита Бирона, честно предупредив его, что «предвидит великие беды от этого регентства».

Как в воду глядела. Но проглядела появление при дворе нового французского посланника маркиза де Шетарди, который мгновенно пленился красотой Елизаветы. Между ними вспыхнул тайный роман — безумный, авантюрный, опасный. Опасный потому, что маркиз прибыл в Россию с целью возвести на трон «дщерь Петрову», всегда тяготевавшую к Франции. Слишком прочные связи России с Австрией, установившиеся при Анне Иоанновне, уже стояли французскому двору поперёк горла и путали все политические карты.

Маркиз быстро убедился в том, что его любовница неподражаема в постели и... совершенно не годится на роль, приготовленную для неё Версалем. Но если умело руководить этой русской Венерой... Заговор в пользу Елизаветы набирал обороты, хотя сама она пребывала в святом неведении и радовалась тому, что Алёшенька Разумовский, как всегда добрый и покладистый, ни капельки не мешал её новому увлечению.

Кончина Анны Иоанновны в октябре 1740 года не изменила к лучшему судьбу «дщери Петровой». Разве что исчез страх перед гневом «тётеньки», зато приходилось избегать домогательств её фаворита Бирона, забравшего полную власть при новой правительнице России Анне Леопольдовне. Заговорщики встрепенулись, настал их час. Засилье немцев, которое покорно сносили в течение десяти лет, сделалось вдруг невыносимым. Бирона ненавидели все поголовно, Антона Брауншвейгского презирали, Анну Леопольдовну не уважали. В этих обстоятельствах само собой приходило на ум имя Елизаветы. Спрашивали, с какой стати принимать немецкого императора и его родню, когда жива и здравствует родная дочь Петра Великого. То, что она родилась до брака и считалась незаконной, уже никого не смущало. Но сама Елизавет всё никак не делала решительного шага к престолу.

Тем временем враги Бирона устроили против него заговор, арестовали регента всего через сорок дней после смерти его августейшей покровительницы и отправили со всем семейством в Сибирь. Анна Леопольдовна была провозглашена регентшей, хотя оставалась чисто декоративной фигурой — всё решали по-прежнему канцлер Остерман, давно продавшийся Австрии, и фельдмаршал Миних, обладавший непомерным тщеславием и властолюбием.

Давно вынашиваемый заговор осуществился внезапно. Как-то лейб-медик Жан Лесток завёл с Елизаветой разговор о перевороте и для наглядности показал ей два рисунка: Елизавета в монастыре и Елизавета, вступающая на престол. Цесаревна, наконец, решилась.

В ночь на 25 ноября 1741 года Лесток разослал своих людей к дому Остермана и Миниха, а сам съездил к Зимнему дворцу. Всё было спокойно. Елизавета больше часа провела на коленях в молитвах перед образами. Помимо всего прочего, она поклялась не подписывать никому смертных приговоров, буде Господь поможет ей взойти на трон. Потом взяла крест, вышла к гренадерам, ожидавшим её решения, и привела их к присяге, сказав:

— Когда Бог явит милость свою нам и всей России, то не забуду верности вашей, а теперь ступайте, соберите роту во всей готовности и тихости, а я сама тотчас за вами приеду.

Был уже второй час ночи, когда 32-летняя Елизавета Петровна в санях вместе с Лесток, Воронцовым и братьями Шуваловыми понеслась по пустынным улицам города, направляясь к казармам преображенцев. Алексей Разумовский и Салтыков следовали за ней в других санях.

Приехав в казармы, стали собирать гренадеров. Здесь были только солдаты, офицеры жили в городе, лишь один из них дежурил в казармах. В несколько минут сбегалось более 300 человек. Большинство из них не знало ещё, в чём дело. Елизавета вышла из саней и спросила:

— Узнаёте ли вы меня? Знаете ли вы, чья я дочь? Меня хотят заточить в монастырь. Готовы ли вы меня защитить?

— Готовы, матушка, — закричали гвардейцы, — всех их перебьём!

— Не говорите про убийства, — возразила Елизавета, — а то я уйду. Клянусь в том, что сама, если понадобится, умру за вас. Целуйте и мне крест на этом.

Дважды преображенцев просить не пришлось.

После присяги Елизавета опять села в сани, а солдаты двинулись за ней. Лесток разослал отряды арестовать Миниха, Головкина, Левенвольде и Остермана. У Зимнего дворца гренадеры посоветовали Елизавете выйти из саней и идти пешком. Но цесаревна увязала в глубоком снегу, и гренадеры понесли её к Зимнему на своих плечах.

Елизавета беспрепятственно прошла во дворец — часовые, завидев «душеньку цесаревну», тут же складывали оружие, а она ода-ривала их своей пленительной улыбкой. Так и добралась до спальни правительницы, которая, как обычно, спала в одной постели со своей любимицей — фавориткой Юлианной Менгден. Обожаемый Морис Линар, любовник Анны, очень вовремя уехал в Саксонию за свадебными подарками, увозя с собой и деньги, и неограниченные драгоценные камни.

— Сестрица, довольно почивать, вставать пора, — сказала Елизавета ничего не понимающей правительнице. — А муж твой где ныне ночует?

Увидев за Елизаветой гвардейцев, Анна Леопольдовна всё поняла.

Супругов Брауншвейгских и Юлианну отправили в крепость. А шестимесячного императора Иоанна Антоновича Елизавета в порыве умиления принялась тискать, приговаривая:

— Бедное дитя! Ты вовсе невинно — твои родители виноваты.

К семи часам утра 25 ноября 1741 года переворот завершился. Во дворце стали собираться ничего не понимавшие и растерянные петербургские вельможи. Многим из них было чего опасаться — «Елисаветку» мало кто принимал всерьёз, а она теперь — страшно сказать! — императрица.

Но Елизавета с самого начала желала продемонстрировать пример своей гуманности и великодушия. Суд определил Остерману, Миниху, Левенвольду и Головкину смертную казнь, однако, уже возведённые на эшафот, они были помилованы и сосланы в Сибирь. А несчастный младенец-император был вместе со своими родителями сослан в Холмогоры, но содержался отдельно от семьи и никогда больше не видел ни мать, ни отца. Позже его перевели в Шлиссельбургскую крепость — Елизавета до самой смерти опасалась заговора и переворота в пользу Иоанна, которого историки впоследствии назовут «русской Железной маской».

А потом посыпались награды. Роту Преображенского полка, фактически совершившую переворот, наименовали «лейб-компанией». Елизавета объявила себя капитаном этой роты. Рядовые были пожалованы в дворяне и наделены именьями, капралы, сержанты и офицеры повышены в чинах, кроме того, всем им были пожалованы земли. Правда, через некоторое время Елизавета разогнала эту тёплую компа-

нию по новообретённым поместьям — уж очень они возгордились своей ролью.

Жан Лесток получил титул графа. Братья Шуваловы и Михаил Воронцов, которые до переворота были просто гвардейскими офицерами, стали заметными политическими фигурами, равно как Разумовский, тоже ставший графом, и Михаил Бестужев-Рюмин.

Уже в ноябре 1741 года Сенату, упразднённого предыдущими правлениями, были возвращены все его полномочия. Вице-канцлером вместо Остермана стал Алексей Бестужев-Рюмин. 23 февраля 1742 года императрица выехала в Москву, где и состоялись коронационные торжества — в апреле, сразу после празднования Пасхи.

В конце 1742 года она вернулась в Петербург и продолжила своё так весело начавшееся царствование. Впоследствии двадцать лет правления «дщери Петровой» историки окрестят «самым весёлым временем на Руси».

Стремясь во что бы то ни стало закрепить престол за потомками Петра Великого, Елизавета вызвала в Россию сына своей покойной старшей сестры Анны, который к тому времени остался круглым сиротой. Герцога Карла Петра Ульриха перекрестили в православие под именем Петра Фёдоровича и торжественно объявили наследником престола. Осталось только подыскать ему достойную пару — и за будущее Дома Романовых можно было не волноваться.

Первым делом Елизавета обратила взор на столь милую её сердцу Францию — вознамерилась женить племянника на одной из дочерей короля Людовика XV. Её сватовство вежливо отклонили, но предложили... самой императрице выйти замуж за одного из принцев крови. Больше всего об осуществлении этого проекта хлопотал граф Лесток, тайно получавший пенсию от французского двора. Массу усилый приложил и французский посол, маркиз де Шетарди, с которым Елизавета виделась практически ежедневно. Но этот брак так и не был заключён, потому что... императрица уже была замужем. В конце 1742 года в подмосковном селе Перово она тайно обвенчалась с Алексеем Разумовским...

Императрица настойчиво продолжала искать среди европейских принцесс невесту наследнику. Прусский король любезно предложил своё посредничество и даже соизволил назвать наиболее подходящую с его точки зрения

кандидатуру — принцессу Ангальт-Цербстскую Софию Августу Фредерику.

В 1744 году принцесса с матерью инкогнито прибыли в Россию. Она сумела понравиться императрице, прежде всего, тем, что не блистала красотой (чего Елизавета в своём окружении не терпела), и тем, что с энтузиазмом принялась готовиться к принятию новой веры. Вскоре «принцесса Фике» перешла из лютеранства в православие, получила имя Екатерины Алексеевны, а на следующий день была обручена с будущим императором.

Достигнув совершеннолетия, 7 мая 1745 года великий князь Пётр Фёдорович стал правящим герцогом Шлезвиг-Гольштейнским, а 25 августа вступил в брак с принцессой Ангальт-Цербстской Софией Фредерикой Августой, которая стала великой княгиней. Елизавета вздохнула с облегчением и принялась ждать внуков или хотя бы внука.

Она и не догадывалась, что благодаря именно ей Россия обрела впоследствии величайшую свою правительницу — Екатерину II. Да и никто об этом тогда даже и не думал...

Шло время, и основной заботой Елизаветы было то, что у великокняжеской четы никак не появлялось потомство. А сама она, словно бы в насмешку, то и дело беременела. Правда, к своим незаконным отпрыскам относилась с тем же безразличием, что и её покойный батюшка, — сбывала их с рук и забывала об их существовании. Потом это аукнулось появлением знаменитой «княжны Таракановой», но Елизаветы уже не было в живых.

Через шесть лет венценосная тётка обеспокоилась не на шутку. Первым делом повелела докторам обследовать невестку, и ежели выяснится, что та бесплодна... Но начать поиски новой жены наследнику Елизавета не успела — медики почтительнейше доложили, что великая княгиня... девственна. Вот это была новость! Господи, что скажут в Европах?

Дабы пресечь зловредные слухи, Елизавета повелела невестке забеременеть немедленно — хоть от кого, мелочи её не заботили. Заодно обследовали и Петра Фёдоровича, от чего произошёл второй конфуз — вследствие некоего физического дефекта великий князь был вообще не способен вступить в интимные отношения с женщиной. Дефект устранили путём небольшой операции, а Екатерину окружили приятными во всех отношениях молодыми людьми благородного происхождения. Но прошло ещё четыре года, пока великая княгиня

не доложила своей августейшей тётке-свекрови об «интересном положении».

Родившегося, наконец-то, в 1754 году Павла императрица немедленно забрала к себе и до самой своей смерти бдела над ним, «как орлица над орлёнком». Даже мечтала передать внуку престол в обход племянника, но её останавливало опасение, что беззащитный ребёнок может повторить судьбу Иоанна Антоновича.

Внутренняя политика Елизаветы Петровны в целом отличалась стабильностью. Сенат стал высшим органом управления в государстве — к административно-судебной стороне правления Сената прибавилась и законодательная. С восстановлением прокуратуры, главного магистрата и Берг- и Мануфактур-коллегии правительство ужесточало режим централизации управления.

При Елизавете осуществлялась активная поддержка промышленных и торговых начинаний, что выражалось в предоставлении монополий и всяческих льгот. В 1754 году, по предложению П. И. Шувалова, ставшего фактическим руководителем правительства, Сенатом были отменены внутренняя таможня и заставы, что уничтожило удельное деление и дало толчок развитию всероссийского рынка.

Кроме того, учитывая заинтересованность дворянства в вывозе и продаже за границей хлеба, правительство разрешило свободный вывоз хлеба за рубеж. Были основаны первые русские банки — Дворянский, Купеческий и Медный. Значение Синода и духовенства при набожной императрице возросло.

Алексей Бестужев-Рюмин сумел так вести внешнеполитические дела, что с Россией стали искать союза все европейские державы. После вступления Елизаветы на престол, по Абоскому миру 1743 года, Швеция уступила России часть Южной Финляндии. Появление русских войск на Рейне поставило точку и в войне за австрийский престол между прусским королём Фридрихом II и Марией Терезией — был подписан Ахенский мир (1748).

Но политикой занимались министры, Елизавета же в основном занималась своей драгоценной персоной. Страсть к нарядам и к уходу за своей красотой у неё граничила с манией. Она слыла первой красавицей, никогда не надевала одно платье дважды (после смерти императрицы в её гардеробе было найдено около 15 тысяч платьев) и строго следила, чтобы никто из придворных дам не был одет или причёсан красивее её или даже появился в платье такой же материи.

За подобный неосторожный поступок вполне можно было отправиться в Сибирь. Плюс — полные сундуки туфель, шёлковых чулок, сотни кусков французских тканей.

Нрав у императрицы вообще был непростой. Не только горничных — знатных придворных дам хлестала по лицу и бранилась не хуже гренадера. И всё это каким-то волшебным образом сочеталось с необыкновенной набожностью — Елизавета отстаивала многочасовые службы в церкви, иногда до обморока.

Любившая власть поест, Елизавета строжайше соблюдала посты, зато и разговлялась так, что от стола её лакеи на руках относили в опочивальню, куда тут же сбегались придворные медики...

Последней — на десять оставшихся ей лет жизни — сердечной привязанностью императрицы стал Иван Шувалов. Сердце Елизаветы он покорил не только внешней красотой, но и, как ни странно, интеллектом и образованностью. Именно Шувалов представил императрице Михаила Ломоносова и проводил в жизнь просветительские идеи.

Но и до появления в её жизни молодого фаворита Елизавета Петровна заботилась о просвещении России. При ней были реорганизованы военно-учебные заведения. В 1744 году вышел указ о расширении сети начальных школ, открыты первые гимназии — в Москве (1755) и Казани (1758). В 1755 году открылся Московский университет, в 1758 году — Академия художеств. В 1756 году указом Елизаветы в Петербурге учреждается публичный русский театр, директором которого назначается известный поэт и драматург Александр Сумароков, много сил отдавший созданию в Петербурге национального театра.

Историк С. М. Соловьёв писал:

«При правлении Елизаветы Россия пришла в себя. На высших местах управления снова явились русские люди, и когда на место второстепенное назначали иностранца, Елизавета спрашивала: «Разве нет русского? Иностранца можно назначить только тогда, когда нет способного русского». Наследовав от отца умение выбирать и сохранять способных людей, она призвала к деятельности новое поколение русских людей, знаменитых при ней и после неё, и умела примирять их деятельность...»

С 1757 года Елизавету стали преследовать тяжёлые истерические припадки, её мучили астма и эпилепсия, тоже доставшиеся от отца. Она то и дело лишалась чувств, а после очень

тяжело приходила в себя и в течение нескольких дней чувствовала себя такой слабой, что не могла внятно говорить.

В довершение всех несчастий, на ногах у неё открылись незаживающие раны. За зиму 1760-1761 года Елизавета только раз была на большом выходе. Всегда непоседливая и общительная, она теперь пребывала в глубочайшей депрессии, запершись в своей спальне в Царскосельском дворце. Красота её быстро разрушалась, и это более всего удручало больную.

Последние годы её правления были омрачены Семилетней войной с Пруссией, в которой гибли «вверенные ей Богом человеческие души», и это приводило её в отчаяние. Осенью 1760 года русские войска взяли Берлин. Этот город заплатил победителям 200 тысяч талеров на содержание войска и 1,5 миллиона рублей в виде контрибуции. Вся Европа, кроме Англии, поздравила Россию с блистательной победой. Но даже это не радовало, ибо Елизавета понимала: её не станет, всё пойдёт прахом.

12 декабря 1761 года у неё открылся упорный кашель и кровохарканье. Через десять дней, после нового сильного кровотечения, врачи объявили, что положение императрицы безнадежно. Она исповедовалась и причастилась. Но агония продолжалась ещё несколько дней.

Смерть наступила 25 декабря 1761 года (5 января 1762) на 53 году жизни. Тело Елизаветы ещё не успело остыть, как её наследник Пётр III заключил с Пруссией мир, хотя русские войска уже взяли Берлин, и до полной победы было рукой подать. Только смерть русской государыни спасла Фридриха II от полного разгрома. Пётр благоговел перед прусским королём Фридрихом и ненавидел ту страну, которой теперь должен был править. Сбылись худшие предчувствия Елизаветы.

Хоронили императрицу в Петропавловском соборе уже в новом, 1762 году. Даже в гробу Елизавета оставалась кокеткой. Как писала Екатерина II, «в гробу государыня лежала, одетая в серебряную робу с кружевными рукавами, имея на голове императорскую корону».

Историк В. О. Ключевский назвал Елизавету Петровну «...умной и доброй, но беспорядочной и своенравной русской барыней», соединявшей «новые европейские веяния» с «благочестивой отечественной стариной».

Что ж, пожалуй, это самое меткое определение «дщери Петровой». ■

ПЕДРО ИВАНОВИЧ

■ Николай Иванович Ульянов родился в Санкт-Петербурге в 1904 году. После окончания Петроградского государственного университета в 1927 году преподавал в комвузе им. В. М. Молотова в Архангельске, где написал книгу «Очерки по истории народа Коми-Зырян», за которую получил ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. В феврале 1935 года Ульянов становится заведующим кафедрой Ленинградского историко-лингвистического института, а в ноябре его исключают из партии за ошибочную формулировку в статье «Советский исторический фронт» и увольняют из института. В июне 1936 года Ульянова арестовывают по обвинению в контрреволюционной деятельности, и приговаривают к пяти годам заключения в лагерях, сначала — на Соловках, затем — в Норильске. После освобождения в 1941 году, накануне Великой Отечественной войны, он зарабатывал на жизнь ломовым извозчиком. Осенью 1943 года чета Ульяновых была отправлена на принудительные работы в Германию, а после окончания войны они перебрались в Касабланку, где Николай Иванович прожил до 1953 года, публикуя статьи в эмигрантской прессе под псевдонимом «Шварц-Омонский». Весной 1953 года они уезжают в Канаду, и Ульянов начинает читать лекции в Монреальском университете. А с 1955 года семья Ульяновых навсегда переезжает в США, где, при содействии Г. В. Вернадского, Николай Иванович устраивается лектором по русской истории и литературе в Йельском университете.

Николай Ульянов скончался в 1985 году, похоронен на кладбище Йельского университета.

Его перу принадлежат два романа: «Атосса» и «Сириус», а также огромное количество философско-исторических очерков о России и Украине.

Хуан Карреньо де Миранда. «Портрет П. И. Потёмкина», 1682 г.

Николай Ульянов

Как ни утомлён и ни пресыщен бывает турист после осмотра первых двух этажей мадридского Прадо, но если он русский, ему нельзя не подняться на третий. Не ради живописи, а для некоего паломничества.

Там, где в окна заглядывает с лошади медная голова Мурильо, надо остановиться перед большим, во весь рост, портретом и, не успев ещё всего рассмотреть, увидев только расшитую красную ферязь да отороченную соболем парчовую шапку в камнях, догадаться, кто это, и почувствовать некое угрызение совести, что не вспомнил о нём раньше.

Величественное пышнобородое лицо давно знакомо по французскому и английскому портретам. Но только здесь оно такое, каким глядит со столбца «статейного списка»,

опубликованного Н. И. Новиковым. Между ветхими листами, опойковым переплётом Древней российской вивлиофики и мадридским портретом есть тайное родство. Гордая осанка, опирающаяся на трость рука, поступь восточного царя — те самые, которые мы угадывали, читая приказное произведение. И как верно звучит имя, написанное на медной табличке, прикреплённой к золочёной раме! Это то истинное имя, что забыли дать при крещении: Pedro Ivanovitch.

4 декабря 1667 года в трёх верстах от Кадикса бросил якорь корабль, шедший с «армянской икрою» в Италию. По этому случаю все военные и торговые суда, стоявшие на рейде, открыли великую пальбу из пушек. Салютовали, конечно, не армянской икре, а пышному посольству, прибывшему на корабле. Кроме английских да голландских купцов, никто из иностранцев, бывших в то время в Кадиксе, понятия не имел о стране, приславшей именитых послов. Меньше всего — сами испанцы. Они откровенно признавались, что принимают таких людей впервые.

То была неправда. Русские приезжали в Мадрид ещё в 1525 году, от великого князя московского Василия Ивановича. Но с тех пор прошло больше ста сорока лет, и о них успели забыть.

Нынешние послы прибыли от царя Алексея Михайловича. В послах состояли стольник и «наместник Боровский» Пётр Иванович Потёмкин да дьяк Семён Румянцев. С ними ехал многочисленный штат писцов, подьячих, толмачей и всякой челяди. Даже несколько человек «дворян». Эти — единственно ради помпезности.

Когда пальба смолкла, на корабль прибыл капитан дон Антонио Могита, посланный от кадикского губернатора Мартина де Сайса. Он поздравил послов с прибытием, выразил почтение от имени губернатора, разузнал обо всём, что нужно, и уехал. В тот же день дьяк Фёдор Ушаков с переводчиком и подьячим отправился на берег к кадикскому «воеводе».

С этой поездкой связывалась важная дипломатическая миссия. Результат её сказался на другой день, когда Мартин де Сайс сам явился на корабль, по каковой причине там разбились персидский шагёр на палубе. Усевшись в кресло, губернатор обрадовал послов сообщением, что приготовил для них двор, где они могут остановиться, но прибавил, что за тот двор надо платить деньги по договору, а без найма ни на какой двор без королевского указа не поставишь, потому что здесь государство вольное.

Это и было поражением дьяка Фёдора. Ездил он к «воеводе» хлопотать о бесплатных квартирах, кормах и подводах для посольства.

Москвичи полагали, что, если русское правительство брало на полное содержание всякое

иноземное посольство, переходившее его границу, то такой же обычай существует и во всём свете. На этой уверенности и был построен их бюджет.

Какой-то иезуит посоветовал обратиться к наместнику области, «дюке де Медину Целию». К нему и отправился член посольства Семён Полозов с переводчиком и двумя людьми. Дюка принял их любезно, наговорил много приятного, но насчёт платы за постой и проезд сказал то же самое.

Прошло пять дней. Решили съезжать на берег, нанявши барки дороною ценой. Переезд сопровождался оглушительной пальбой. Поселились на дворе у голландца Бергнади за десять ефимков в сутки.

30 декабря губернатор устроил приём. Послов ублажали, чествовали, но на важный для них вопрос даже в подпитии отвечали, что всё равно надо за всё платить. Тут москвичи не выдержали:

— За кареты и за лошадей, на которых нам ехать в Мадрид к королевскому величеству, и за кормы, где мы будем стоять, платы от нас не будет!

После таких слов банкет оживился. Опомившись, стольник Пётр Иванович произнёс длинную, полную оскорблённого достоинства речь. Обратив внимание на особый характер своего посольства, призванного положить начало дружественным отношениям между Россией и Испанией, он с высоты этого исторического факта подошёл к вопросу о кормах. Пётр Иванович дивился, как мог губернатор уделять столько внимания ничтожным кормам? Не пристало губернатору много говорить на эту тему. К этому было прибавлено, что у послов и своего всего много, так что, даст бог, они не умрут без королевских кормов.

Приближался день отъезда в Мадрид. Пётр Иванович подарил губернатору две пары соболей из государевой казны, чем привёл испанца в восторг. В ответ тот поднёс послу серебряное судёнышко в двадцать золотников.

Сопровождать посольство до Мадрида представлен был дон Бенито. Когда он привёз наших посланников в Сен Люкас, к ним явился местный губернатор и сказал, что, бывая в чужих землях, слышал где-то и про царя московского. Это было первое лицо, знавшее хоть что-то о России.

Затем приехали в Севилью. Севильский «державец» граф де Уманис предложил осмотреть столицу Андалусии, уверяя, что другого такого города в Испании нет, не исключая и Мадрида. Пётр Иванович отнёсся не сочувственно к любезному приглашению графа, он считал осмотр городов сущим баловством. Но когда граф прислал к нему «со всеми овощами, что в Севилье родятся», сердце сурового дипломата смягчилось. Сам он и дьяк Семён Румянцев от поездки, конечно, воздержались, но прочим чинам

посольства разрешено было воспользоваться гостеприимством графа де Уманиса. С ними поехал сын «наместника» Степан Петрович Потёмкин.

Граф был обворожителен. Он прокатил гостей по городу, показал знаменитый собор, привёз в Альказар. «Статейный список» глухо молчит о музыке арабесков, о кружеве мавританских портиков и аркад, о сказке сталактитового потолка посольской залы Альказара. Только сад, фонтаны и аллеи удостоились упоминания: «И в том саду воды взводные и травы сажены разными образцы по их извычаю».

4 февраля 1668 года покинули Севилью, 23-го достигли Толедо, а через два-три дня подъехали к Мадриду.

Из Мадрида выехало навстречу великое множество народа верхами и в экипажах. Послы этим остались довольны, удовлетворило их и стечение народа на улицах. Когда кортеж прибыл в дом, отведённый для посольства, там их встретили с огнями, потому что была уже полночь. Через весь двор и на лестнице стояли люди, державшие большие восковые свечи.

На другой день — угощение. Прибыли от короля «ключник», да человек шестьдесят «дворовых людей», да поваров человек шестьдесят же. Как только обед был готов, Франциско де Лира отправился в покои послов звать гостей за стол. Угощали на серебряной посуде, и все яства были незнакомы, приготовлены по испанскому извычаю — устроены из разных трав с деревянным маслом и рыбные. А после ставили сахара и разные овощи.

Когда русские немного обжились, дон Франциско начал задавать вопросы, касающиеся Московского государства. Заинтересовался однажды и особой государя.

— Его царское величество, — отвечал Потёмкин, — ныне в совершенном возрасте, сорока лет, а дородством и разумом, и красотою лица, и милосердным нравом, и всеми благими гонностями всемогущий бог укрепил его царское величество, хвалами достойного, паче всех людей.

Когда же Пётр Иванович спросил про испанского короля, де Лира ответил не менее торжественно:

— Великому государю нашему Карлосу, королю кастильскому и иных, его королевскому величеству седьмой год.

Чем ближе день аудиенции, тем больше занимал Петра Ивановича вопрос о положении королевской матери: простая ли она вдова и регентша или «владетельна»? Оказалось, что королева владетельна. По сему случаю из подарков, привезённых королю, выделили добрую половину для королевы.

7 марта к послам явился гофмейстер двора, или, как его называли русские, «дворецкий

меньшой» — граф де Реаль. Он объявил, что король и королева желают видеть послов у себя во дворе.

Русские отправились во дворец не раньше, чем убедились, что никаких других послов и посланников, кроме них, в этот день принимать не будут и что никакой порухи их чести не грозит.

Ехали на этот раз верхами. Любительную грамоту, завёрнутую в камку, вёз подьячий Андрей Сидоров. Царские подарки несли сто человек. Во дворце их встретил граф де Реаль и ввёл послов в аудиенцзалу. Король и королева встали со своих мест. Тогда стольник и «наместник Боровский», помолчав немного, начал, приступая к королевскому величеству, править поклон от великого государя.

Во время этой церемонии ему сильно не понравилось поведение короля, так что, отправив поклон, он обратился со строгой речью к королевскому приближенному маркизу д'Атона. Провинился король тем, что не снял шляпы, когда произносили царский титул.

Маркиз был сражён неожиданным демаршем «наместника». Испанский двор на целый мир славился церемониалом, до того разработанным и неумолимым, что превращал обитателей Палаццо Реаль в мучеников. Короли не могли проникать даже в спальню к жёнам, иначе как в сопровождении изрядного числа людей и с соблюдением формы: надевали мягкие туфли, брали щит и меч и в столь тяжёлом вооружении двигались во главе шествия, которое замыкала камарера-махор, неся ночной сосуд. Таким же обрядам, как приём послов, предшествовала умопомрачительная дрессировка.

Д'Атона, во всяком случае, не был подготовлен к тому, чтобы получать выговоры от заросшего бородой москвитя в неуклюжих одеждах. Он заверил, что их величества оказывают государю небывалую честь — встали и стоят, да не просто стоят, а отступя от своих мест, чего прежде никогда не бывало на приёмах других послов. А что король шляпы не снял — так то он без хитрости учинил, и им бы, послаам, на это не обижаться, потому что король не во взрослых летах.

На это Пётр Иванович мрачно заметил, что, хотя король и привык принимать иностранных послов по-своему, сегодня можно бы учинить его королевскому величеству и не в образец.

После этого король спрашивал о здоровье государя.

Когда же Пётр Иванович стал править поклон от государыни Марьи Ильиничны королевину величеству донне Марьяне де Устрия — матери короля Карлоса, то донна Марьяна, почувствовав, с какими серьёзными людьми имеет дело, спрашивала про здоровье государя и государыни с великой учтивостью.

Началось подношение подарков. Русские соболя вызвали всеобщее восхищение. Но когда дошло до горностаевых мехов, случилось событие, особо отмеченное в «Статейном списке»: «Его королевское величество светел учинился».

Любительная царская грамота, писанная с превеликою братскою любовью и дружбою и с великим приятством, была после аудиенции тщательно рассмотрена королевой и шестью ближайшими советниками. Оказалось, что адресована она не Карлу II, а его отцу, королю Филиппу IV. Пришлось послам объявить, что его королевского величества не стало, и тому ныне четвёртый год. Политические новости в те времена распространялись несколько медленнее, чем теперь.

Впрочем, это не первый случай, когда грамота, адресованная одному государю, подносилась совсем другому. Начало наших дипломатических отношений с Англией в 1553 году ознаменовано было вручением Ивану Грозному послания, предназначенного китайскому императору.

Испанцы поэтому нисколько не обиделись на москвичей и не отказались вести переговоры по делу, ради которого те прибыли. А прибыли они добиваться свободного приезда русских купцов в Испанию. Хотели, чтобы и своим испанцы не препятствовали ездить к Архангельску.

Был у Петра Ивановича разговор с доном Бенито — любопытный пристав недоумевал, почему посол прибыл в Кадикс не на военном судне, как подобало его достоинству, а на корабле с армянской икрой.

Тут, конечно, надо объяснить, что это за икра. Армения рыболовством не славилась, никакой икры не производила, икра была самая настоящая русская, волжская, из астраханского царства. Армянской же называлась потому, что скупалась и экспортировалась армянской торговой компанией, основанной при царе Алексее Михайловиче армянином Егупой Григорьевым.

Пётр Иванович объяснил дону Бенито, что для посольства зафрахтован был специально голландский корабль, но у голландцев с англичанами случилась в это время война, по каковой причине корабль не явился к Архангельску. Пришлось нанять другое, тоже иностранное судно.

Если, значит, для важного государева дела не нашлось собственного корабля, то на что могли рассчитывать при оживлённой торговле с испанцами?

Да и контрагента облюбовали не многим более способного к торговле. Испания обеднела к середине XVII века, запустела и сделалась глубокой провинцией. Её погубили заморские колонии. Южноамериканское золото, привозимое при Карле V и Филиппе II не кораблями, а целыми флотами,

захлестнуло страну волной роскоши, праздной жизни и надутого величия. Экономика приобрела потребительский характер. На испанцев работали Нидерланды, Франция, Италия, Англия. Испания взрастила своим золотом их города и мануфактуры, задавив свои собственные. Она оказалась аграрной страной, где жили мужики, гранды, духовенство, чиновничество, но почти не было ремесленников и торгово-промышленной буржуазии. Пока прибывали корабли с золотым грузом, всё шло хорошо, страна казалась богатой и цветущей, но стоило блестящему потоку прекратиться, она сразу сделалась нищей и отсталой. Ко времени прибытия русского посольства Испания стояла ниже того уровня, на котором была в конце средних веков.

В 1668 году договаривались друг с другом две нищие страны.

Но это не было простой глупостью. Москва ни о какой торговле всерьёз не думала. Она и раньше руководствовалась задачей военно-технического оснащения и налаживания политических связей. Поэтому так и баловала иноземных купцов, предоставляя им неслыханные льготы, позволяя насаждать колониальные методы торговли и отдавая им на съедение своё отечественное купечество. И теперь отправленный в Мадрид в момент обострения отношений с Польшей и Габсбургской империей из-за присоединения Малороссии Пётр Иванович Потёмкин имел своей главной целью не торговлю, а дипломатическую разведку — подыскание политических союзников на Крайнем Западе.

Для него было величайшей обидой узнать, что переговоры с ним хотят вести не во дворце, а на дому у кого-нибудь из членов хунты или, как он их называл, думных людей.

— То несбыточное дело, — заявил он. — Пришли нас не к думным людям, а к королю, и, кроме как на королевском дворе, нам переговоров не вести.

Но ещё до начала переговоров послы хотели видеть короля, ударить челом за стол и за хорошее содержание. Испанцам это не понравилось. Много чести — так часто видеть короля!

23 марта приехал к послам «посольских дел думный дьяк» дон Педро Фернандо. Его ввели в главную палату и посадили в кресло, полагая, что он привёз приглашение на аудиенцию. Посидев немного, дон Педро встал и, сняв шляпу, предложил послам письменно изложить цель своей миссии.

Предложение дон Педро выполнили, записку составили, а о приёме и слуху не было. Нервничали, скучали, наконец, энергично потребовали аудиенции. Десять дней к ним и от них скакали курьеры, подкачивали кареты с королевскими чиновниками, велись переговоры. День победы пришёл только 4 апреля.

Всё посольство оделось в парадные одежды и ждало пристава, чтобы ехать во дворец. Пристав явился с опозданием, извинился и сказал, что задержался по причине приёма английского посла. Петра Ивановича как громом хватило.

— Сего числа, сказываешь, был у королевского величества английский посол преже нас?

Пристав ответил утвердительно.

— Нам быть ныне невозможно.

Пришлось перенести приём на другой день, когда никаких других послов и посланников не принимали. Но испанцы и тут учинили коварство. Кавалеры, дамы, высшие чины, думные люди на приёме были те же, что и в первый раз, а короля не было. Одна королева.

Явилась она в том же платье, «только перед прежним прибавки у королевина величества, рукав сделан соболей из любительных поминков великого государя нашего».

В этот рукав она и положила секретную грамоту, вручённую ей Потёмкиным. У всех дам рукава были также отделаны русскими соболями.

Приближался отъезд. Договариваясь об отпуске из Мадрида, послы предупреждали испанцев, что, если в ответной королевской грамоте титул государя напишут неправильно или не так, как сам государь пишет, то такой грамоты они не примут. По этому поводу «у королевского величества с думными людьми было сиденье». Прощальная аудиенция состоялась 18 мая.

Король, как только увидел послов, снял шляпу. Он и королева были чрезвычайно милостивы, позвали послов к руке и вручили им грамоту на имя царя Алексея Михайловича. К грамоте был приложен латинский перевод.

Как только возвратились с приёма, приступили к чтению. Читать было нелегко, потому что переводчик Иван Госенц испанского языка не знал, а знал только латынь — дипломатический язык того времени. Приступили к подъячему Андрею Сидорову, за время пребывания в Испании он научился читать по-испански. Потребовали, чтобы он высмотрел накрепко: в именовании государя и в титулах всё ли сполна выписано? Андрей Сидоров смотрел и установил, что королевская грамота написана не по чину и не против латинского списка с той грамоты. Поднялся переполох. Разыскали на другой день «севильского доминикана», чтобы тот перевёл грамоту с испанского на латинский, а с латинского уже Иван Госенц перевёл на русский. Когда испанцы уличены были в умалении царского достоинства, Пётр Иванович сделал им через пристава строгое представление.

Антонис Мор ван Дасхорст. Портрет Филиппа II в латах, 1557 г.

Те возражали: «Против латинского языка испанского языка слов не сойдётся, и слово в слово написать чиновно так немочно». Потёмкин же уверял, что «мочно». Он заставил несчастного пристава десятки раз ходить во дворец. А оттуда неизменно: «Окромя того на испанском языке написать немочно».

Тогда наши заявили: «И нам такие грамоты не имывать».

Стали отдавать пристава «неудобный» документ, пристав не брал. Во дворце опять было «сиденье», и опять в испанском языке усмотрели неодолимое препятствие для правильного написания царского титула. Только при виде старания, с которым москвичи подкидывали пристава грамоту, и полной их неутомимости испанцы, наконец, сдались.

25 мая грамоту согласились переписать и на другой день вручили послам. Пожаловали им алмазные запонки, подарили королевские «персоны» — портреты Карла и Донны Марьяны. Два других портрета короля и королевы предназначались для государя.

Провожали тепло и сердечно.

Горный путь через Сьерру-де-Гвадарраму, через Пиренеи был труден. Грузы приходилось везти на быках, и такой расход времени приводил послов в отчаяние.

В. М. Васнецов. «Царь Иван Грозный», 1897 г.

Вальядолид — последний значительный город на пути во Францию. После него московское посольство двинулось на север и вскоре достигло границы. На самой границе ничего особенного не произошло, но немного дальше разыгралась жестокая таможенная драма. Откупщик обложил все грузы, одежду и драгоценности высокой пошлиной.

— Враг креста Христова! — кричал на него Потёмкин.

Все местные военные и гражданские власти выражали ему своё сочувствие, но ничего не могли поделать против всевильного меркантилиста.

Добрую неделю бились храбрые русичи, грудью отстаивая царскую копейку. Но пришёл день, и Педро Иванович сдался. Он бросил под ноги неприятелю сто золотых со следующими замечательными словами:

— Видя твои бесстыдство и нрав зверский, как псу голодному или волку несытому, так тебе брошено золото, как прах.

Приехав в Париж, Потёмкин был принят Людовиком XIV в Сен-Жермене. В том же году он возвратился через Амстердам и Ригу в Россию.

В Москве остались довольны его успехами. И в 1674 году ему поручили поездку в Вену, чтобы поздравить императора Леопольда по случаю его бракосочетания и произвести разведку по части польских

и турецких дел. Посылали его и в Данию. Цель посольства была неизвестна, но сохранилось упоминание о необыкновенном дипломатическом приёме, которым Пётр Иванович блеснул в «Копнагаве».

Король хворал, и, видимо, по этой причине нормальная аудиенция не назначалась. Но Пётр Иванович добился приёма в спальне у короля. Он потребовал, чтобы рядом с королевским ложем поставили другую кровать, на которую и возлёг во всём своём посольском великолепии.

Объяснить этот случай, не зная тогдашней науки о церемониале, трудно. Ни стоять, ни сидеть, дабы не возвышаться над лежащим величеством, было нельзя, поэтому Пётр Иванович нашёл единственно возможный выход — лежание переговоров. Полагают, что ему даже удалось «перележать» короля. В Москве эту поездку признали удачной. Но это был его последний успех. В 1680 году он отправился в большое дипломатическое турне, Париж — Мадрид — Лондон, но закончилось оно полным провалом. Хотя главная цель поездки — развитие торговых связей — не представляло никаких трудностей, царский титул, о котором так хорошо умел заботиться Пётр Иванович, сыграл роковую роль. «Наместник Углицкий» не принял королевских грамот ни в Париже, ни в Мадриде. Царевна Софья разгневалась и выразила боярину своё недовольство.

Потёмкина сделали думным дворянином, вторым судьёй во Владимирском приказе, а посольских дел он больше не отправлял. Умер около 1700 года на воеводстве в глухом городе Новобогородске на Самаре.

Портрет его в Прадо, работы Карреньо, написан, по-видимому, в 1681 году, во второй его приезд к мадридскому двору.

Жуан Карреньо — одна из малых планет в Солнечной системе Веласкеса. Как и Веласкес, он писал королей, знатных сеньоров, маленьких уродцев, которых так любили при испанском дворе. В Прадо есть два портрета его кисти того самого малолетнего Карлоса II, к которому приезжал Педро Иванович. Представлена двумя портретами и донна Марьяна де Устрия. На одном из них она уже носит монашеское одеяние.

Как эти, так и остальные портреты и картины Карреньо в Прадо представляются слабее портрета П. И. Потёмкина. «Наместник Боровский и Углицкий» удался ему как нельзя лучше. По колориту, сочности красок, по изяществу позы, по передаче шитья и драгоценностей — это прекрасный образец парадного портрета XVIII века. ☐

Скучная работа

Э. Эйделотт

Первый труп вынесло на берег во вторник вечером чуть южнее электростанции. Второй, застрявший между сваями городского пирса, два дня спустя обнаружили местные спасатели. Обе жертвы были сёрферами, застреленными с близкого расстояния, предположительно из пистолета 38 калибра.

Третье убийство произошло ещё через неделю среди бела дня на глазах у изумлённой публики. На этот раз жертвой оказался человек известный — Джонни Кайт, бывший чемпион мира по сёрфингу, а ныне — владелец небольшой фирмы, производящей спортивное снаряжение. Пуля настигла его неподалёку от северного пирса, когда он, балансируя на доске, мчал на волнах прибоя к берегу. Многочисленные свидетели видели, как Джонни с воплем подпрыгнул, схватился за грудь и, истекая кровью, упал в воду. Затем дважды показался на поверхности возле одной из бетонных свай пирса и пошёл ко дну.

Хотя его доску почти сразу выбросило на пляж волнами, труп так и не нашли. Поиски, в которых принимали участие спасатели и другие сёрферы, а также вскоре присоединившиеся к ним водолазы, присланные шерифом округа, продолжались два дня, но ни к чему не привели, и в итоге полиция пришла к выводу, что подводное течение унесло тело в открытое море.

Именно это обстоятельство и послужило причиной того, что к расследованию подключили меня. Кто я такой? Позвольте представиться, Фред Уэдди, единственный частный детектив на весь Ховингтон-Бич, штат Калифорния, — курортный городок с населением в 25 тысяч. Этим ремеслом я занимаюсь уже семь лет. В основном работа скучная, ничего серьёзного: разыскиваю скрывающихся от кредиторов должников или сбежавших из дома подростков, отслеживаю неверных супругов, и так далее, в том же духе. Чуть-чуть фантазии и бульдожья хватка — вот и всё, что от меня требуется. Но когда на мою долю выпадают дела поинтереснее, например, такие как это, я стараюсь задействовать все свои таланты.

Согласно договору, заключённому страховой компанией «Консолидейтед» с Джонни Кайтом, в случае его смерти вдове полагалась компенсация в размере 350 тысяч долларов, причём выплатить её надлежало не позднее, чем через 14 календарных суток после подачи иска. А поскольку даже в наше время высокой инфляции это деньги немалые, руководство компании обратилось ко мне с просьбой проверить, всё ли тут чисто. Разу-

меется, я согласился, и теперь, через четыре дня после гибели Джонни, знал о Кайтах если не все, то очень многое.

Вероника и Джонни дружили ещё со школы. Он закончил учёбу на три года раньше её, занялся профессиональным сёрфингом и к тому моменту, когда ей вручили аттестат, сумел победить во всех главных мировых чемпионатах и превратиться в живую легенду. Коллеги ревностно изучали его стиль, а «утиную походку» Джонни старательно копировали новички — от Австралии до Калифорнии. Его спортивные достижения легли в основу документального фильма «Идёт волна!», имевшего колоссальный успех и сразу ставшего классикой.

Через несколько месяцев после своего кинодебюта Джонни вернулся в Калифорнию. Он женился на Веронике и открыл фирму по производству досок для сёрфинга. Доски модели «Волна» с его автографом быстро принесли ему кучу денег, и молодая пара переехала в большой дом к югу от Ховингтон-Бич.

Окунувшись с головой в бизнес, Джонни тем не менее продолжал регулярно тренироваться для поддержания формы. Близких друзей у него не было.

В день убийства Вероника, страстная поклонница парусного спорта, вышла в море на их большой 36-футовой яхте, специально переоборудованной для одиночного плавания, и о смерти мужа узнала лишь через несколько часов от детектива, ожидавшего её у дверей дома.

Предварительное расследование зашло в тупик практически с самого начала. Винтовочная гильза, найденная полицией на плоской крыше кирпичного дома, расположенного напротив пирса, была одного из самых распространённых калибров и без пули не давала абсолютно ничего. Самого же выстрела никто не слышал. И впрямь тупик.

Поразмыслив, я принял единственно верное в данной ситуации решение — отправился к Веронике Кайт, ожидая увидеть убитую горем безутешную вдову.

Безутешную? Не тут-то было! Мне открыла ослепительная красotka с бокалом в руке, одетая в кожаные сандалии, короткие белые шортики и кружевную блузку, под которой не было и намёка на бюстгальтер. Траур? Какой траур?

— Это займёт много времени? — озабоченно спросила она, едва я представился и объ-

яснил причину своего визита. — Через полчаса у меня назначена встреча с подругой в яхт-клубе.

Я пообещал уложиться в десять минут, и Вероника, заметно успокоившись, пригласила меня в гостиную, обставленную мебелью из тика. Мы сели друг напротив друга.

— «Маргариту»? — предложила она.

— Нет, спасибо.

— Ну и зря, — Вероника отхлебнула из бокала. — По-моему, это единственное, что можно пить в такую жару.

Я выразил свои соболезнования по поводу безвременной кончины её супруга.

— Да, мне его очень не хватает, — заученно кивнула она.

Я задал ей обычные в таких случаях вопросы, но не продвинулся ни на шаг. Кто мог застрелить Джонни? Откуда ей знать? Разве в газетах не писали о маньяке, который убивает сёрферов? И вообще, ей пора собираться.

Уже в дверях Вероника спросила:

— Как по-вашему, скоро я смогу получить чек?

— Судя по всему, — неопределённо ответил я и откланялся.

По дороге в полицейское управление я свернул на набережную и, притормозив у пирса, вышел из машины. Вот оно, то самое место...

Несмотря на лёгкий бриз, жара была ужасная. Прибой вроде вполне подходящий для сёрфинга, но я заметил лишь трёх-четырёх человек с досками — больше смельчаков не нашлось.

В самом конце пирса стояла спасательная вышка, похожая на контрольные башни в аэропортах. Я поднялся по лестнице на узкий балкончик и, пройдя мимо грифельной доски с данными о скорости ветра и температуре воды и воздуха, оказался в стеклянной кабинке, где дежурили двое крепких парней с короткими стрижками — Боб и Сэнди.

— Я в тот день не работал, — покачал головой Боб, изучив мою лицензию частного детектива. — Все вопросы к Сэнди.

— Что вас интересует? — с готовностью спросил тот.

— Постарайтесь вспомнить, что произошло в тот день.

— Ну... — пожал он плечами. — Погода была ясная, волна шла с северо-запада, причём довольно приличная. Джонни катался вдоль пирса.

— Не самое подходящее место при таком прибое, — заметил Боб.

— Верно, — согласился Сэнди. — Когда в Джонни стреляли, он находился вон там, — он указал на буёк, футах в десяти от обросших водорослями свай. — Это точно. Наша вышка стоит на правой стороне пирса, и нам видно, что творится сбоку.

— Как он себя вёл? Просто барахтался или пытался плыть?

— И то и другое. Там и хорошему пловцу несладко придётся.

— А выстрела вы не слышали?

— При такой волне?

— Его хорошо искали?

— Ещё бы! У нас был и катер, и три спасателя на плотике, и куча добровольцев из отдыхающих. Чуть позже шериф прислал водолазов, но они нашли только банку из-под пива и ласту.

— Ласту?

— Ну да. Купальщики их всё время теряют. Обычное дело, — нагнувшись, Сэнди достал с нижней полки стеллажа ласту чёрного цвета. — Оставили на тот случай, если объявится хозяин.

— Можно её у вас одолжить? На время? — он кивнул, и я сунул ласту под мышку. — Странно, что труп так и не нашли, вам не кажется?

— В общем-то, да, но имейте в виду: здешние течения порой вытворяют странные вещи. Пару лет назад утонула девушка, так её вынесло на берег только через две недели. Зрелище было ещё то. Наверное, скоро и Джонни в таком же виде объявится.

— Если только он не достался акулам, — добавил Боб.

— Ребята, а вы случайно не знаете, у него были враги?

Спасатели переглянулись.

— Он всегда держался особняком, — сказал Боб, — но я ни разу не слышал, чтобы он с кем-то ссорился.

— Разве что это был один из тех, кто купил доску его производства, — пошутил Сэнди, и оба рассмеялись.

— Я думал, что доски Джонни Кайта нарасхват.

— Были. Лет пять назад, когда только появились в продаже. Но не сейчас.

Я удивлённо вскинул брови.

— Слишком хороши, — пояснил он. — Понимаете, доску для сёрфинга можно сконструировать по-разному. Например,

устойчивую — для больших волн, высокоманёвренную — для средних, легкоуправляемую — для начинающих. Так вот, Джонни Кайт был лучшим из всех, кого я видел, — быстрый, ловкий, баланс, как у кошки... Ему нравились доски, которые слушались малейшего движения, и свою модель он проектировал под себя.

— Дело в том, — вмешался Боб, — что на всём белом свете стиль Джонни Кайта могут повторить лишь несколько человек. Для обычного любителя его доски слишком сложные, с ними куча проблем — очень вёрткие. Поначалу они расходились на ура — в основном из-за его имени, но я точно знаю, что последние пару лет их берут неважно.

— Что ж, спасибо. Мне пора.

— Счастливо, — вздохнул Боб. — Надеюсь, вы поймаете убийцу.

— Да, — поддержал его Сэнди. — После смерти Джонни здесь как в пустыне. Все сёрферы перебрались дальше по побережью. У нас осталась, наверное, десятая часть из тех, что были раньше. Никто не хочет становиться следующей жертвой.

Я спустился на пирс и, утирая пот со лба, поплёлся к кирпичному зданию, с крыши которого стрелял снайпер. Дом был построен лет сорок назад, первый этаж занимала бакалея, а второй и третий — комнаты внаём. Осмотрев его со всех сторон, я, пытаясь, вскарабкался по пожарной лестнице на плоскую крышу, обнесённую кирпичным парапетом. Два старых шезлонга указывали на то, что она время от времени служит солярием.

Пирс находился в футах ста по прямой, и снайперу, вооружённому крупнокалиберной винтовкой с оптическим прицелом, ничего не стоило выполнить задуманное, даже если бы пришлось стрелять по движущейся мишени. Трёхфутовый парапет делал его невидимым с улицы.

Поскольку никто из работников бакалеи выстрела не слышал, у меня оставалась последняя зацепка — ласта.

На двери спортивного магазина Ховингтон-Бич висел колокольчик, звонивший, когда она открывалась. Я побродил по залу, как обычный покупатель, и вскоре ко мне подошёл продавец — крепкий загорелый человек средних лет.

— Макс, — представился он. — Чем могу вам помочь?

— Случайно не узнаете? — показал я ему ласту.

— Да вроде бы, — пожал плечами Макс. — За последние несколько лет мы таких продали пар восемьсот. Ласты как ласты. А в чём дело?

Я протянул ему свою лицензию и объяснил, что расследую убийства троих сёрферов.

— Понятно. Тех двух ребят я не знал, но с Джонни был знаком. Жаль парня! Куда катится мир?!

— А как вы с ним познакомились?

— Очень просто. Года четыре назад он учился у нас на курсах аквалангистов. А потом приходил по несколько раз в месяц за воздухом. Я продал ему всё снаряжение: гидрокостюм, баллоны, маску, трубку, ласты — как раз такого образца, что и у вас, — пояс для балласта и так далее. Тем, кто покупает всё снаряжение у нас, мы накачиваем воздух бесплатно. Если человек ныряет регулярно, это позволяет ему изрядно сэкономить. Вот Джонни и ходил к нам за воздухом... Да, кстати! Я ведь накачивал ему акваланг как раз в прошлую среду. Минутку! — Макс подошёл к прилавку и полистал потрёпанную тетрадь. — Точно. У него был один большой баллон, и мы наполняли его в девять утра в среду. Это что-нибудь вам даёт?

Я пожал плечами. Застрелили Джонни в четверг.

— Может быть.

Попросив разрешения воспользоваться телефоном, я позвонил в полицейское управление, потом сел в машину и поехал в гавань. Судя по всему, мне предстояла большая работа.

Так оно и вышло. Сначала я угостил пивом механика из судоремонтной мастерской. Затем посплетничал с молодой продавщицей в местном продовольственном магазине. А разузнав кое-какие крайне интересные подробности у парня, ведавшего заправочной помпой, даже попытался проскользнуть на борт яхты Кайтов, но вход на причал преградила решётка с колючей проволокой поверху, и я, пожалев свои брюки, решил отложить это мероприятие до лучших времён.

После этого позвонил одному знакомому банкиру и отправился в бар яхт-клуба искать Веронику.

В баре было на удивление прохладно. Вероника сидела за стойкой рядом с другой девушкой, потягивая свою неизменную «Маргариту». Заметив меня, она приветственно помала рукой.

— Вы ко мне? Присаживайтесь.

Я присел к ним, и она заговорщически подмигнула мне:

— Никак принесли чек?

— Сначала надо кое-что уточнить, — многозначительно покосился я на её подругу.

— Намёк понят, — кивнула та и, взяв свою сумочку с соседнего табурета, наклонилась и чмокнула Веронику в щёку. — Звони, Ронни, не пропадай.

Как только мы оказались одни, я перешёл к делу.

— А уточнить, миссис Кайт, хотелось бы следующее: как скоро вы отправляетесь в круиз? До того, как получите чек, или после? В какие порты собираетесь заходить? Пунтаренас? Ла-Паз? Энсеньада?

— Не понимаю, к чему вы клоните!

— Нет? Что ж, объясняю. В течение последнего месяца вы готовили свою яхту к длительному путешествию. Три недели назад вызвали одного мастера перебрать ваш движок, и другого — проверить оснастку. Неделю назад закупили в местном магазине кучу провизии. А вчера до отказа заполнили баки топливом и водой, — я развёл руками. — При таком раскладе вовсе не обязательно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что вы намерены куда-то отплыть. Причём в самое ближайшее время.

— Вы и вправду меня проверяли? — удивилась она.

— Работа такая.

— Что ж... вы правы, — вздохнула Вероника. — Как только получу страховку, собираюсь уехать из Ховингтон-Бич, и надолго. Здесь мне всё напоминает о Джонни. Хочу на некоторое время всё забыть. Что тут такого? Это преступление? — она фыркнула и встала, собираясь уйти.

— Сядьте, — сказал я.

— Я еду домой! — заносчиво заявила она.

— Если вы сядете, то мы закончим ваши дела со страховкой в два счёта. Сюда уже едет человек со всеми необходимыми документами.

Вероника медленно опустилась на стул и осторожно переспросила:

— Закончим? И тогда я получу свои деньги?

— Да, закончим, всё закончим. Если дождётесь этого джентльмена.

Она откинулась на спинку стула и улыбнулась.

— Не желаете выпить?

— Нет, спасибо. У меня к вам ещё один вопрос.

— Какой?

— Похоже, вы ни в чём себе не отказываете. Вам всего двадцать три, но у вас яхта, огромный дом, «мерседес», красивая одежда... Для человека вашего возраста...

— У Джонни очень хорошо шли дела, — лениво перебила она меня.

— Разве? А вот ваш банкир мистер Симс утверждает обратное. Что вы с мужем были близки к банкротству, что ваша фирма вот-вот пойдёт с молотка за долги...

— Да как он смел?! Это конфиденциальная информация! Он не имел права!

— Наш разговор имел неофициальный характер. Как-то раз я оказал его семье небольшую услугу, и теперь в знак признательности он порой оказывает услуги и мне. Те же сведения я мог бы получить с помощью обычного запроса, но на это ушло бы больше времени.

— Не понимаю только, при чём здесь страховая компания! — прошипела Вероника.

В этот момент в клуб вошёл человек, которого я ждал. Остановившись у двери, он дождался, пока глаза привыкнут к полумраку бара, и направился к нам.

— Миссис Кайт, — сказал я, — позвольте вам представить...

— Лейтенант Брилл?! — воскликнула она.

— Так точно, мэ, — кивнул тот. — Офицер полиции, которому выпал печальный долг сообщить вам о смерти мужа, — он повернулся ко мне. — Надеюсь, Уэдди, вы знаете, что делаете.

— Я тоже. Нашли?

— Нашёл. Целый час копался в судебном архиве.

— А как насчёт другого?

— Да, хотя мне пришлось искать судью Томпсона по всему городу, даже в гольф-клубе. Он не считает наши доводы убедительными, но из уважения к вам подписал. После того как вы раскрыли дело о похищении ребёнка Симса...

Вероника обеспокоенно перевела взгляд с Брилла на меня.

— Какое это имеет отношение к моей страховке?

— Самое прямое, — заверил я её.

Брилл достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист бумаги и, развернув его, показал Веронике.

— Миссис Кайт, это ордер, позволяющий мне на законных основаниях обыскать ваш дом, а также яхту и машину. В вашем присутствии.

— Обыскать? — побледнела она. — Чего ради?

— Согласно документам, у вашего мужа было разрешение на владение револьвером 38 калибра. Пули того же самого калибра фигурируют в первых двух убийствах.

— Но... вы же не думаете, что их убила я? — запинаясь, пробормотала Вероника. В её глазах блеснули слёзы.

У входа на причал я достал из её сумочки ключи, отпер ворота, и мы втроём направились к яхте. Когда до неё оставалось футов сорок, Вероника закричала: «Полиция! Полиция!» — и, резко повернувшись, нанесла Брилли сильный удар в пах. Тот мешком рухнул на деревянный настил.

В иллюминаторе мелькнуло чьё-то лицо, а через секунду на палубу выскочил мужчина и начал торопливо отвязывать причальные концы. Однако стоило мне прыгнуть на палубу яхты, как он бросил это занятие и, пригнувшись, ринулся ко мне. Я усмехнулся и шагнул ему навстречу. Он замахнулся — чётко и красиво, — было видно, что он великолепно владеет своим телом, но боксёр из него, оказалось, никакой. Я пригнулся и левой рукой двинул ему в челюсть, а затем правой — дважды под дых. Он схватился за живот, захрипел, опустился на колени, а потом повалился лицом вниз на палубу.

К тому времени, когда я надел на него наручники, Брилл успел проделать ту же самую процедуру с Вероникой.

— Лейтенант Брилл, — официальным тоном произнёс я, — познакомьтесь с Джонни Кайтом.

Револьвер 38 калибра лежал на диване в кают-компании, и Брилл сразу сунул его в целофановый пакет для улики.

— Сегодня же отдам на баллистическую экспертизу.

— Я хочу связаться со своим адвокатом! — возмущённо выкрикнул Джонни.

— Ещё бы, — кивнул Брилл. — Скоро вам представится такая возможность.

Он оправился вызывать патрульную машину, а я остался в кают-компании с Кайтами. Солнце клонилось к закату, но жара ещё не спала, и мне хотелось побыть в прохладе. Вероника лежала на диване, отвернувшись

к стене, а Джонни сверлил меня полным ненависти взглядом. При малейшем движении под его рубашкой перекатывались упругие мышцы.

— Стало быть, вы разорились, — начал я.

— Я не обязан ничего рассказывать! — взорвался Джонни. — Вы даже не зачитали мне мои права!

— Я не полицейский, и мне ваше признание ни к чему. Я занимаюсь расследованиями по страховым искам, и свою часть работы выполнил, поэтому спрашиваю просто так, из любопытства. Вы ведь разорились, не так ли?

— Я делаю лучшие доски для сёрфинга в мире, но этим идиотам хочется «Хендерсонов» и «Блю-си». Да мои доски дадут им сто очков вперёд!

— И тогда вы решили надуть свою страховую компанию. Вам позарез нужны были эти 350 тысяч. А первые два убийства — настоящие — вы совершили, чтобы посеять слух о некоем таинственном маньяке, так сказать, создать себе дымовую завесу. Дожидались людей, которые перед работой хотели прокатиться на волне, убивали их и бросали в море...

Он лишь раздражённо мотнул головой.

— Затем, — продолжал я, — вы подбрали на крышу винтовочную гильзу, спрятали под водой акваланг, а в день вашего «убийства» завопили, притворяясь, что вас подстрелили, и нырнули. Спасатель на вышке видел, как вы дважды появились на поверхности, и подумал, что вы пытаетесь удержаться на плаву. На самом же деле вам надо было вдохнуть воздуха побольше, чтобы отыскать под пирсом акваланг.

Он по-прежнему молчал.

— Одно мне непонятно, — признался я. — Более двадцати человек клялись, что видели, как вас подстрелили. Они видели кровь!

— Всё очень просто, — медленно проговорил Джонни. — Старый кинотрюк, которому я научился у оператора во время съёмок. У меня в руке был пакетик с кетчупом. Оказавшись рядом с пирсом, я закричал, чтобы привлечь к себе внимание, и раздавил его о грудь. Он лопнул, и все увидели «кровь».

— Ясно. Потом вы спустились под воду и надели акваланг. Задача трудная, но вполне выполнимая — этому учат даже на курсах для начинающих. И поплыли в открытое море, где вас уже ждала на яхте жена. Вы вскарабка-

лись на тот борт, который не был виден с берега, и...

— Как вас зовут? — неожиданно спросил Джонни.

— Фредерик Уэдди.

Он явно старался меня запомнить — так делают почти все преступники, когда их выводят на чистую воду.

— Как вы догадались? Мне казалось, что я всё рассчитал до мелочей.

— Почти. Прежде всего, меня удивило отсутствие трупа. Вашу доску тут же выбросило на берег, но где труп? И мне не понравилась ситуация с выстрелом, который никто не слышал. Далее — вас «застрелили» из пистолета, у всех на виду, в то время как первые две жертвы были убиты с близкого расстояния и без свидетелей. Почерк не совпадает. К тому же ваша жена... в общем, на великую актрису она не тянет. Я задумался. А когда водолазы нашли ласту, окончательно всё понял.

— Мою ласту?

— Ту, что вы потеряли. Это вас и выдало, Джонни. Она не могла принадлежать никому другому. Аквалангисты не ныряют рядом с пирсом — им там неинтересно. Им подавай рифы и гроты, где можно наблюдать за подводной жизнью.

— Да, конечно, — пробормотал он, — но я...

— Эта ласта отправит вас в тюрьму.

— Я ничего не теряю! Можете сами посмотреть.

Я заглянул в шкафчик с его водолажным снаряжением. Всё было на месте, в том числе и обе ласты.

— Значит, под пирсом была чья-то ещё? — ошеломлённо пробормотал я. И истерически захохотал. Но не над Джонни, а над самим собой — рядовой частной ищейкой, чуть было не лопнувшей от гордости за свои дедуктивные способности. ■

Перевод с английского Дмитрия Павленко

ИЛЬФИПЕТРОВ

ЭТИ ДВОЕ ВСЕГДА
 СЛИВАЛИСЬ
 В ЧИТАТЕЛЬСКОМ
 СОЗНАНИИ В ЕДИНЫЙ,
 ЦЕЛОСТНЫЙ ОРГАНИЗМ.
 НЕ СУЩЕСТВОВАЛО ДВУХ
 ОТДЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ
 С СОБСТВЕННЫМИ
 ПРИВЫЧКАМИ,
 ПРОБЛЕМАМИ, СУДЬБАМИ.
 БЫЛ ТОЛЬКО САТИРИК,
 ЕДКИЙ, СМЕШНОЙ,
 ЗАСТАВЛЯЮЩИЙ
 ХОХОТАТЬ, А ПОРОЙ —
 ГРУСТНО УЛЫБАТЬСЯ.
 БЫЛ И ОСТАЁТСЯ
 ВСЕМИ ОБОЖАЕМЫЙ
 АВТОР ПОД ИМЕНЕМ
 «ИЛЬФИПЕТРОВ».

Евгения Белогорцева

Мастерская советского романа

Однако всё же их было двое. Илья Ильф и Евгений Петров. И, в известной степени, оба имени — не настоящие. Или не совсем настоящие. С этими шутовниками всегда так трудно разобраться...

Ильф — это соединённые первые буквы имени и фамилии — Илья Файнзильберг. А Евгений Петров — это Евгений Петрович Катаев, младший брат знаменитого Валентина Катаева, не пожелавший делить уже прославившуюся фамилию.

Собственно, именно Катаев и подтолкнул юные дарования, трудившиеся тогда в газете «Гудок», к творчеству. К совместному же творчеству они пришли сами...

В «Гудке» тогда будущие писатели не гнушались никакой работой. Писали фельетоны, статьи, переделывали письма читателей — «рабкоровские заметки», приводя их в тот вид, который уже не стыдно представить в газете.

Катаев, тоже писавший для «Гудка» и подписывавшийся псевдонимом «Старик Собакин», однажды явился в редакцию и заявил, что хочет стать Дюма-отцом. Когда язвительный Ильф поинтересовался, почему же «Старика» потянуло в «Дюма-перы», Катаев ответил: «Потому, Илюша, что уже давно пора открыть мастерскую советского романа. Я буду Дюма-отцом, а вы будете моими неграми. Я вам буду давать темы, вы будете писать романы, а я их потом буду править. Пройдусь раза два по вашим рукописям рукой мастера — и готово. Как Дюма-пер. Ну? Кто желает? Только помните, я собираюсь держать вас в чёрном теле, — и тут же продолжил: — Есть отличная тема — стулья. Представьте себе, в одном из стульев запрятаны деньги. Их надо найти. Чем не авантурный роман? Один роман пусть пишет Илья, а другой — Женья».

Как же вы пишете?

Однако поодиночке писать роман было скучно. И будущие соавторы решили объединить усилия.

И если техническая сторона дела определилась сразу («физически» писал всегда Петров), то с распределением творческих обязанностей поначалу были сложности. Петров потом вспоминал: «Очень трудно писать вдвоём. Надо думать, Гонкурам было легче. Всё-таки они были братья. А мы даже не родственники. И даже не однолетки...

...Труднее всего добиться того гармонического момента, когда оба автора усаживаются, наконец, за письменный стол... Но тут начинается. Тогда как один полон творческой бодрости и горит желанием подарить человечеству новое художественное произведение, как говорится, широкое полотно, другой (о, загадочная славянская душа!) лежит на диване, задрав ножки,

и читает историю морских сражений. При этом он заявляет, что тяжело (по всей вероятности, смертельно) болен... Затем иначе. Славянская душа вдруг подымается с одра болезни и говорит, что никогда ещё не чувствовала в себе такого творческого подъёма. Она готова работать всю ночь напролёт. Пусть звонит телефон — не отвечать, пусть ломятся в дверь гости — вон! Писать, только писать... Но другой соавтор (о, загадочная еврейская душа!) работать не хочет, не может. У него, видите ли, нет сейчас вдохновения. Надо подождать. И вообще, он хочет ехать на Дальний Восток с целью расширения своих горизонтов... Совершенно непонятно, как это мы пишем вдвоём».

Рукопись на санках

Однако писалось соавторам вдвоём неплохо, несмотря на то что поначалу в успех своего предприятия они верили мало. Не верилось, что вот эти исписанные листочки рано или поздно станут рукописью. Но этих исписанных убористым почерком Петрова листочков становилось всё больше, они всё-таки стали толстенькой пачкой, которую (уж неизвестно, на санках или нет) повезли в издательство.

Предварительно, правда, дали на прочтение «Дюма-отцу» — Катаеву, чтобы тот «прошёл рукой мастера». Однако Катаев заявил, что оба бывших «негра» — уже вполне сложившиеся писатели, а рукопись ни в какой правке не нуждается.

Ныне обожаемый всеми «сын турецко-подданного» поначалу был второстепенным персонажем, однако авторам не удавалось держать его в рамках, и он настойчиво пролезал в каждую главу, постепенно становясь главным героем...

У Бендера много черт, списанных с реальных персонажей. Сатирики, фельетонисты, журналисты, Ильф и Петров так натренировались подмечать окружающее, что не было необходимости подстёгивать свою фантазию. Реальность давала и характеры, и окружающую их действительность.

Так, Воронья слободка — это квартира Петрова в Кропоткинском переулке. Там была и «ничья бабушка», и «трудящийся Востока — бывший грузинский князь», и многие другие персонажи, описанные в «Телёнке».

Каждое утро они стремились поскорее встретиться, чтобы поделиться тем, что «надували» за ночь, что подсмотрели на улицах.

Ильф и Петров настолько строго подходили к себе и так жёстко отбирали материал для книги, что сами говорили: «В наши два романа мы вогнали столько наблюдений, мыслей и выдумки, что хватило бы ещё на десять книг. Такие уж мы неэкономные...»

Не Ильфипетров, а Ильф и Петров

Несмотря на то душевное единение, которое позволяло писателям создавать романы, словно написанные одним человеком, они всё же были очень разными людьми.

Ильфа природа одарила редкой язвительностью, едкостью, которой побаивались даже близкие друзья. Известна была его привычка прогнать человека через строй насмешек, наговорить ему столько ироничного, столько порой обидного, что он уже не знал, куда деваться. Однако тот, кто проходил эту «проверку на прочность», в конце удаивался вопроса от Ильфа, заданного очень деликатным тоном: «Я не обидел вас?». Эта насмешливость неожиданно сочеталась в нём с удивительной интеллигентностью. До самого конца жизни он обращался к своему другу и соавтору Евгению Петрову на «вы».

Ильф, как и его братья, представлял собой поразительный пример той силы, которой обладает врождённое призвание.

Из четырёх братьев Ильф — третий. Отец, мелкий служащий, был решительно против того, чтобы сыновья связали свою судьбу с наукой или искусством. Только практическая профессия! Старшего сына, Александра, определили в коммерческое училище. Он, следуя мечте отца, должен был стать солидным бухгалтером или — высшая мечта — директором банка. Но, окончив училище, сын стал... художником.

Второй сын, Миша, тоже окончил коммерческое училище, но стал, опять же, художником.

Илью отец — чтобы уж наверняка — отдал в ремесленное училище «Труд» на Канатной улице. Однако, аккуратно миновав профессии чертёжника, телефонного монтера, токаря и статистика, третий сын стал известным писателем Ильёй Ильфом.

А Петров... О Петрове всегда говорят, что он был младшим братом знаменитого Валентина Катаева. И, несмотря на то что он давно уже вырос в самостоятельную писательскую единицу, об этом всё равно писали и продолжают писать.

В автобиографии Ильфа и Петрова о нём сказано: «...В течение трёх лет служил

инспектором уголовного розыска. Первым его литературным произведением был протокол осмотра трупа неизвестного мужчины...»

«У Евгения Петрова были немецкий трофейный кожаный пиджак, пистолет и зашитый в подкладку червонец. Так он приехал покорять московский уголовный розыск», — вспоминал впоследствии старший брат Катаев.

Об оценке деятельности юного милиционера свидетельствует найденный в архиве «Именной список сотрудников уездного уголовного розыска, получивших награды в честь 5-летнего юбилея существования уголовного розыска УССР». Вторым в списке значится Катаев Евгений Петрович, награждённый именными наручными часами. Из 12 отличившихся сотрудников уголовного розыска таким ценным подарком был награждён, кроме него, ещё один человек.

В 1923 году Петров переехал в Москву, где занялся журналистикой. Он стал сотрудником журнала «Красный перец», а в 1925 году, работая в редакции газеты «Гудок», познакомился с Ильёй Ильфом. Дальнейшее известно...

Умер писатель

Ильф и Петров проработали вместе 10 лет — для совместного творчества срок немаленький. Последней их книгой стала «Одноэтажная Америка». Путешествие по континенту, утомившее обоих писателей, подорвало и без того слабое здоровье Ильфа. Однако к 1937-му — году смерти Ильфа — книгу они закончили.

«Одноэтажная Америка» написана не совсем так, как писатели привыкли. Они писали её по отдельности: половину глав — Ильф, половину — Петров. И оба ужасно боялись показывать самостоятельное творчество соавтору.

Петров позже вспоминал: «Мы составили план и, так сказать, для затравки вместе написали первую главу. Потом разъехались по домам, распределив, кто какую главу будет писать. Решили встретиться через месяц с громадными рукописями.

Помню, я просидел за пустым листом бумаги целый день, и целую ночь, и потом опять целый день — и не мог сочинить ни строчки. В отчаянии я поехал к Ильфу. Ильф очень мне обрадовался:

— Знаете, Женя, — сказал он, — у меня ничего не получается.

Я сказал, что приехал к нему с такой же печальной новостью. Мы долго думали и наконец решили, что нас обоих устроил объём задачи и что нам следует написать всего лишь по одной главе — и тогда я приеду к нему. Мы решили писать смело, ведь всё равно потом мы вместе будем править.

Я очень волновался, когда через три дня ехал к Ильфу со своей первой в жизни самостоятельно написанной главой. Никогда я так не боялся критики, как тогда. Сначала Ильф показал мне свою главу... Я читал и не верил своим глазам. Глава Ильфа была написана так, как будто мы написали её вместе... «Значит, выходит, — с ужасом думал я, — что всё, что мы написали до сих пор вместе, сочинил Ильф, а я, очевидно, был лишь техническим помощником».

— Мне нравится, — сказал я, — по-моему, ничего не надо изменять.

— Вы думаете? — спросил он, не скрывая радости. — Когда я работал, мне всё время казалось, что я пишу какую-то чепуху.

...Я молча протянул ему рукопись... Ильф долго, внимательно читал... Потом сказал:

— Мне нравится. По-моему, хорошо. Как быстро разрешилось то, что нас мучило!»

В том же году, когда вышла «Одноэтажная Америка», Ильфа не стало. Он умер от туберкулёза, которым страдал уже несколько лет. Когда Ильфа провожали в последний путь, Петров сказал: «Я присутствую на собственных похоронах...»

Однако Петров остался. Он стал больше заниматься журналистикой, и его назначили главным редактором «Огонька». При нём журнал расцвёл. Оказалось, что издание хирело исключительно из-за неумения предыдущего начальства разглядеть талантливых авторов, коих Петров нашёл в изобилии.

А через несколько лет Евгений Петрович переключился на военную журналистику...

Он писал и для советской, и для зарубежной печати. Американские читатели узнавали о том, что происходит в Советском Союзе в первые месяцы войны, именно из очерков Петрова, печатавшихся в заокеанских газетах.

Его, посещавшего почти все горячие точки, судьба хранила недолго. В мае 1942 года Евгений Петров погиб в прифронтовой полосе при авиационной катастрофе. ☐

ДОВЕСОК К БУКВЕ «Щ»

Илья Ильф и Евгений Петров

Во вкусовом комбинате «Щи да каша» никто так ничего и не узнал о замечательном событии, происшедшем в стенах этого почтенного пищевого учреждения.

Глава «Щей да каши» товарищ Аматорский, оказавшийся виновником происшедшего, засекал всё до последней степени. Не быть ему, Аматорскому, главою учреждения, если какой-нибудь злой контрольный орган пронюхает о совершившемся.

У Аматорского были самые благие намерения. Хотелось ему одним взмахом определить способности своих подчинённых, выделить способных и отгеснить на низшие ступени служебной лестницы глупых и нерадивых.

Но как в массе служащих отыщешь способных? Все сидят, пишут, все в мышинных толстовках.

Однажды, прогуливаясь в летнем саду «Террариум», товарищ Аматорский остановился у столика, где под табличкой «Разоблачитель чудес и суеверий, графолог И. М. Кошкин-Эриванский» сидел волосатый молодой человек в очках с сиреневыми стёклами и определял способности граждан по почерку.

Помедлив некоторое время, товарищ Аматорский своим нормальным почерком написал на клочке бумаги:

«Тов. Кошк.-Эриванскому. На заключение».

Когда графолог получил эту бумажку, глаза его под сиреневыми стёклами засверкали. Определить характер Аматорского оказалось пустяковым делом.

Через пять минут глава «Щей да каши» читал о себе такие строки:

«Вы, несомненно, заведуете отделом, а вернее всего, являетесь главою большого учреждения. Особенности вашего почерка позволяют заключить, что вы обладаете блестящими организаторскими способностями и ведёте ваше учреждение по пути процветания. Вам предстоит огромная будущность».

— Ведь до чего верно написано! — прошептал товарищ Аматорский. — Какое тонкое знание людей! Насквозь проникает, собака. Вот кто мне нужен. Вот кто поможет мне определить способности щиде-кашинцев!

И Аматорский пригласил И. М. Кошкина-Эриванского к себе в учреждение, где задал ему

работу. Кошкин должен был определить по почерку служащих, кто к чему способен. Расходы (по полтиннику за характеристику) были отнесены за счёт ассигнований на рационализацию.

Три дня и три ночи корпел И. М. Кошкин-Эриванский над почерками ничего не подозревавших служащих. И, совершив этот грандиозный труд, он открыл перед товарищем Аматорским книгу судеб.

Все раскрылись перед начальником ЩДК.

Добрый Кошкин-Эриванский никогда не «закопал». Большинство служащих, по определению разоблачителя чудес и суеверий, были людьми хотя и средних способностей, но трудолюбивыми и положительными. Лишь некоторые внушали опасение — «способности к живописи», «наклонность к стихам», «будущность полководцев».

И один лишь самый мелкий служащий, Кипяткевич, получил триумфальный отзыв. По мнению Эриванского, это был выдающийся человек.

«Трудно даже представить себе, — писал Кошкин каллиграфическим почерком, — каких вершин может достигнуть данный субъект. Острый, пронзительный ум, ум чисто административный характеризует этого индивидуума. Оригинальный наклон букв свидетельствует о бескорыстии. Довесок к букве «щ» говорит о необыкновенной работоспособности, а завиток, сопровождающий букву «в», — о воле к победе. Нельзя не ждать от этого индивидуума крупных шагов по службе».

Когда Кошкин-Эриванский покидал гостеприимное ЩДК, на лестнице его догнал Кипяткевич и спросил:

— Ну, как?

— Такое написал, — ответил Кошкин, — что пальчики оближешь.

Кипяткевич вынул кошелек и честно выдал разоблачителю чудес и суеверий обусловленные пять рублей.

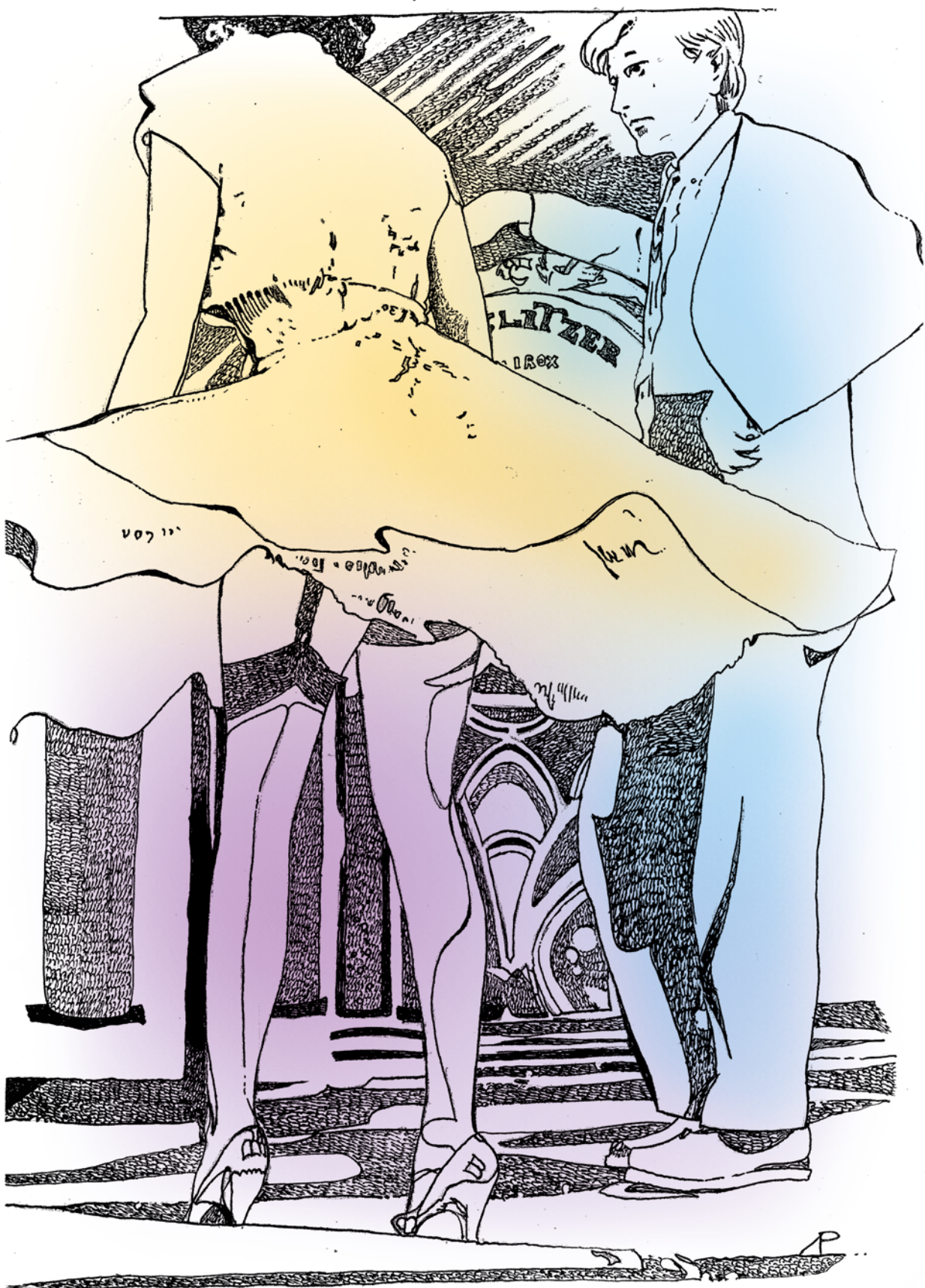
Немедленно вслед за этим Кипяткевича позвали в кабинет самого Аматорского.

Кипяткевич бежал в кабинет весело, справедливо ожидая отличия, повышения и награды.

Из кабинета он вышел, шатаясь. Аматорский почему-то распёк его и пообещал уволить, если он не исправится.

Прочтя о гениальном индивидууме с необыкновенным довеском к букве «щ», Аматорский очень обрадовался. Наконец-то сыскал змею, которая таилась в недрах учреждения и могла когда-нибудь занять его место.

«Теперь, — сказал он самому себе, — и в отпуск можно ехать спокойно. Прищемил гада!»

Жёлтые стёкла очков

Людмила Малёванная

Я Дождь. Мелкий и холодный. Мы с ним на одной вибрации. Сажу у окна в кофейне огромного торгового центра — здесь тысячи людей, а я — одна. Нет, не совсем так, ещё есть чашка кофе, обжигающая ароматным поцелуем, есть официант — молодой человек, улыбающийся мне пустой шаблонной улыбкой, хотя лицо у него грустное. Он принимает у меня заказ, отходит в сторону и звонит, ставит кофе и звонит, меняет пепельницу, дежурно улыбается и снова звонит. Каждую свободную минуту он говорит по телефону. Я наблюдаю за ним — это интереснее, чем кино. Живые, не сыгранные страсти! На его лице пробегает целая жизнь. Жизнь его отношений с кем-то, кто на другом конце провода. Лёгкая улыбка, флирт, игривый блеск тёмных глаз, шепчущие губы легко касаются трубки телефона. Свободная рука нежно теребит салфетку, сжимая её кончиками пальцев, мнёт розовую бумагу всей ладонью. Я, кажется, чувствую дыхание из его приоткрытых губ, не произносящих ни слова. Только синяя жилка — маленький знак вопроса — нервно пульсирует на виске. Я, как шпионка, наблюдаю за ним из-под своих любимых очков. Обожаю жёлтые стёкла в дождливую погоду! Не так уж и пасмурно, не такие уж и серые тучи, и всё вокруг словно светится счастьем.

Я заказываю вторую чашку кофе и пирожное — хочу получше его рассмотреть, этого парня, официанта. У него уже почти десять минут серьёзное выражение лица. Он подходит и без улыбки принимает заказ. Ему что-то говорит бармен, хмуря брови и кивая на меня. Я точно знаю, что на меня — здесь больше нет посетителей. Официант оборачивается в мою сторону. Они оба теперь смотрят на меня и улыбаются. Улыбки разные — у бармена заискивающая, у официанта вымученная. Мне жаль его, он больше не звонит по телефону, истерзанная салфетка валяется на краю барной стойки, и лицо его выражает полную растерянность. Я прочла имя на бейджике — Андрей. Вот теперь он мне уже почти как родной — за полчаса я узнала о нём так много, и имя его тоже знаю. Мне хочется его поддержать. Нет, вру сама себе. Я хочу, чтобы поддержали меня. Я сижу рано утром в дорожном кафе совершенно одна. Завсегдатаи заведения, мажорная публика, ещё спят, обычные покупатели торгового центра сюда почти не заходят.

Андрей приносит мой кофе и куда-то уходит. Я сижу, ем «Наполеон» и тупо смотрю в окно. Дождь льёт сильнее прежнего, стекая уже не каплями по стеклу, а сплошным водяным потоком, искажающим фигуры на тротуаре. Через пару минут он снова появляется — мокрые по колено

брюки облипают ноги, с тёмных волос по лбу и щекам стекают капли воды — и направляется к моему столику.

— Извините, мне нужно уйти, можно я вас сейчас рассчитаю?

Мне кажется, что его смущённое лицо слишком близко. Я даже могу рассмотреть чуть отросшие щетинки на щеках. Дать ответ я уже не успеваю, Андрей уходит так же быстро, оставив на столике счёт в фирменной маленькой папке и унося с собой тревогу в тёмных глазах. Я паникую. В какой-то момент понимаю, что этот человек мне близок, что я хочу говорить с ним, идти рядом под холодным проливным дождём. Перерыв сумку в поиске шариковой ручки, перетряхиваю всё её содержимое, вывалив на столик запасы косметики, ключи, записную книжку и массу всякого хлама, обыкновенно лежащего в ней. Потом, потеряв всякую надежду и уже решившись просить бармена дать мне ручку, вспоминаю о маленьком карандашке, в котором и нашёл обычный карандаш. Я радуюсь как ребёнок, иначе мне пришлось бы писать карандашом для губ, а это так пошло. На листочке, вырванном из записной книжки, как можно более аккуратно вывожу: «Приглашаю вас в кино. Меня зовут Анна...» Дописываю номер телефона и дрожащими пальцами вкладываю записку в счёт вместе с деньгами.

Потом быстро сгребаю всё своё барахло в сумочку, спеша уйти до того, как подойдёт Андрей.

— Можно забирать?

Сумка снова с грохотом сваливается на пол. «Боже мой! Какая я нескладная! Сижу теперь под столом, пялюсь на его туфли, и стыдно голову поднять!» Я всё-таки собираюсь с духом и поднимаю на него глаза, поправляя съехавшие на нос очки.

— Конечно. Спасибо, всё было очень вкусно, — я старательно улыбаюсь — мне всегда говорили, что улыбка у меня что надо.

— Давайте я вам помогу. Вы не ушиблись? — его рука перед моим носом оказывается как нельзя кстати.

Я вкладываю свои худенькие пальцы в его широкую ладонь и резко поднимаюсь, поправляя на ходу пуловер и подтягивая юбку. Я не знаю, интересуют ли его стильные брюнетки с комплекцией «маленькая собачка до старости щенков», но на всякий случай включаю всё своё очарование и жизнерадостно улыбаюсь, насколько возможно в такой дурацкой ситуации.

— Спасибо, всё в порядке.

Его одежда уже слегка обсохла, во всяком случае, рубашка была уже не настолько мокрой. Мне дарят улыбку, берут деньги... и всё. Андрей разворачивается и уходит. Я стою полминуты столбом, потом быстро хватаю сумку и почти бегом покидаю кофейню.

Он

— Ну, что там, Андрюха? Дамочка так пялилась, а на чай оставила? — бармен ехидно улыбался, жуя зубочистку. — Что они в тебе находят, эти бабы? Такая фифа, а ты простой мальчик. Ой, простите, гарсон! — заржал он.

Этот новый бармен, Витёк, выводил меня из себя — жлобский, завистливый кусок дерьма, за копейку удавится. Поэтому я молча забрал свой «чай», записку и пошёл переодеваться. Настроения нет совсем, Машка ушла с этим стариканом, на улице всемирный потоп — синоптики снова врут. Все бабы дуры, только деньги им подавай, и побольше. Эх, если бы Машка выдержала ещё месяц... Я бы потом всё объяснил. Но нет больше никакой Маши. Завтра уволюсь — они меня скоро разорят, пока я здесь в любовь играю.

А она ничего, эта девочка в жёлтых очках. Немного не в моём вкусе — худенькая, но в кино я с ней ходил бы. Можно и на диванчик завалиться — не все места у неё худенькие.

— Я увольняюсь. Спроси у директора, писать заявление или так можно, всё равно без оформления работал.

— Ты чё? Тёплое местечко нашёл? Больше денег? Скажи, куда валишь, может, и я туда подамся, — выпучил на меня глаза Витёк.

— Я в другую сферу, по специальности.

— А официант не твоя специальность?! — бармен даже присвистнул.

— Нет, я программист, — ответил я, пообещав звонить, «если что», и ушёл.

Я спускался на эскалаторе торгового центра, а навстречу шли люди. Они смотрели на меня и мимо — чужие лица с бессмысленными глазами. Может, в них и есть смысл, но чужой и непонятный мне. В кармане завибрировал мобильник.

— Алло!

— Андрей Александрович, вы уже вернулись из санатория? — голос моей секретарши всегда поднимал мне настроение. Есть люди, голос которых вызывает необъяснимую радость.

— Да, Лена. Что у нас случилось?

— Ничего, Андрей Александрович. Всё в порядке. Документов на подпись собралась целая папка, и корреспонденция для вас.

— Я электронку видел. Что-то ещё?

— Приглашения здесь разные... Вот, от одного нашего партнёра, на свадьбу дочери.

— Оставь всё на столе, я завтра с утра посмотрю.

— Вы будете утром? — голос Леночки показался испуганным.

— А что?

— Нет-нет, ничего. Кофе нужно купить. До свиданья, Андрей Александрович.

— До завтра, Лена.

Наверное, революцию устроили, пока меня не было. Сейчас Леночка бросится всех обзванивать, чтобы никто не проспал. Мне было легко и смешно. Легко, потому что не нужно больше выходить на работу в кафе, а можно, наконец, вернуться к себе и продолжать холить и лелеять своё айтишное детище. А смешно оттого, что завтра кто-нибудь обязательно не будет знать, что я вернулся, и проспит на работу.

Я зашёл в фастфуд на первом этаже, взял кусок пиццы и сок. Машка — стерва! Ради неё устроил такой театр! Зачем я так мудрил, ведь сразу увидел, что она не тот человек. Нет, сначала я видел тело, и очень неплохое тело. Холёное, стройное. Так и хотелось прижать его всем своим весом к любой плоскости. Мимо. А ведь меня могли здесь увидеть! Чисто теоретически. Прийти что-то купить и зайти на чашечку кофе — и вот он, Андрей Александрович, во всей красе — принеси-подай-иди-...-не мешай! Вот это был бы фокус!

Чёрт, когда же закончится этот ливень! Можно было не переодеваться — зонт в машине, а значит, пока дойду до стоянки, опять вымокну до нитки. И людей-то на улице почти нет, откуда только они в магазины набежали, и в почти сухой одежде. Странное чувство — стоять возле витрины магазина, но изнутри, и смотреть, как вода течёт по стеклу, расчерчивая какой-то узор. Спокойствие от этого созерцания заполняет меня, оставаясь неподвижным до тех пор, пока я смотрю на воду, на пузыри в лужах, которые лопаются один за другим, разрываясь на тысячи маленьких брызг. Какое-то фиолетовое движение рядом отвлекло меня, и спокойствие сбежало, оставив меня одного. А вот уже и не одного — рядом, за колонной, стояла девушка. Она-то и отвлекла меня своим появлением. Я, как шпион, рассматривал её: стройная

фигурка в фиолетовом коротком пальто, стройные ножки в фиолетовых же сапогах, розовый берет, из-под него — гладкие блестящие чёрные волосы. Девушка из японского аниме. Она повернулась и глянула мимо меня сквозь жёлтые очки. Стоп! Записка! Это же та самая девушка из кафе?.. Как же её зовут?.. Я полез в карман за клочком салфетки (хорошо, что ещё не вышел в дождь — салфетка бы размокла). Анна — вот как зовут «аниме». Ну что ж, набрал её номер — гудок, ещё один, ещё. Я видел, как она пыталась быстро достать мобильник из большой сумки, присела на корточки и суетливо вытряхивала содержимое сумки на пол. Вот оно! Последний гудок — и быстрое взволнованное «алло?» в трубке моего телефона.

— Алло!

Звенящая тишина магнитных частот, боюсь быть услышан, я же совсем рядом, я как Джеймс Бонд. Она так нервно сжимала трубку телефона, так ждала ответа, и я понял, что нет для неё вокруг ни единого звука в этот момент.

— Алло! Аня?

— Да... Андрей? — она подняла с пола, кажется, пудру, чтобы положить обратно в сумку, и рука её замерла.

— Да, это я, — старался говорить я как можно тише, но уверенно. — Вы оставили записку в кафе, на столике?

— Да, я. Да! — её голос показался растерянным, она уронила пудру в сумку. — Так вы пойдёте со мной в кино?!

— Да, если приглашение ещё в силе, — я сам начал волноваться (она же могла передумать).

Мне так нравилось смотреть на неё — тонкие пальчики медленно шарят по полу в поисках вещей из сумки и, находя, возвращают их на место.

— Конечно, в силе! Я вас приглашаю в кино, — она улыбалась, не зная, что я от неё в пяти метрах.

— Сегодня вечером вы свободны?

«Аниме» втянула голову в плечи, как маленькая девочка, прижала кулачки к груди и, посмотрев вверх, сказала: «Йес!»

— Да! Я свободна! — выдохнула трубка.

— Тогда я заеду за вами в шесть. Только скажите куда.

Я чувствовал какое-то лёгкое волнение — вдруг передумает моя «аниме», вдруг это шутка или розыгрыш друзей? Нет. Я тут же убеждал себя в обратном: в один день два

облома случиться не могут. Не со мной. Я записал адрес, мы сказали друг другу «пока». Я мог бы ещё за ней наблюдать, но решил не испытывать судьбу и пошёл на стоянку.

Ливень сменился мелким дождём. Всю дорогу домой я думал о том количестве почты, что ждёт меня в офисе завтра, о том, что нужно собрать менеджеров и обсудить подготовку к ежегодной выставке, просмотреть финансовые отчёты по отделам. Я чуть не забыл о встрече с девушкой, заполняя органайзер на завтра. Вызвал такси, чтобы не смущать её дешёвым автомобилем, и поймал себя на мысли, что волнуясь — жду этой встречи, хочу рассмотреть глаза за жёлтыми стёклами очков, хочу держать её за талию весь вечер и не отпускать ни на минуту... А ещё хочу, чтобы Машка увидела нас, и чувство ревности точило её, как компания маленьких прожорливых термитов. Она видела меня только на работе, с дурацким бейджиком на дешёвой белой рубашке, считая меня рядовым неудачником, так ни разу и не согласившись куда-нибудь сходить со мной. Ладно, посмотрим. Мои размышления прервал таксист:

- Приехали!
- Надо подождать девушку.
- Да хоть бабушку — счётчик включён.

Я смотрел на улицу, разглядывая через стекло плывущее в луже отражение фонаря, когда сорванный порывом ветра кленовый лист жёлтой пятернёй прилепился к нему. Кто-то дал мне пощёчину...

Я, он, она

Боже, как я волнуюсь! Под подъездом стоит такси — это Андрей за мной приехал. Нет, пусть позвонит сначала. Хотя... смешно, но я готова выбежать прямо сейчас и без звонка.

Чёрт! Я же звук в телефоне не включила! О-о-о! Быстро, максимально быстро вынимаю мобильный из сумочки, а он, как лучик счастья, пульсирует сквозь пальцы. Это Андрей. Вдруг он звонит сказать, что произошли непредвиденные обстоятельства, и он очень сожалеет, но пойти со мной никуда не сможет? Ой, какие глупости в голову лезут — нужно просто ответить на звонок. С каждым импульсом света в моей голове нарастает далёкий звук.

- Алло?
- Аня, добрый вечер. Это Андрей, я жду вас у подъезда.
- О! Уже выхожу! — я даже чувствую, как он улыбается.

— Не спешите. Я подожду.

— Да? Спасибо, я скоро!

По телефону такой знакомый голос. Но... очень сексуальный.

— Бася! Я влюбилась! — я тискаю ничего не понимающую кошку и целую её в розовый нос. Она фыркает, топорщит усы, не понимая, за что ей столько внимания. — Вот вернусь и всё тебе расскажу.

Я ещё раз выглядываю в окно.

Под фонарём стоит такси, подсвечивая мне зелёным глазом через лобовое стекло. Мне неловко от мысли, что мы окажемся не одни — с нами будет водитель такси, как безучастный свидетель нашего первого свидания.

Выключаю свет в коридоре и собираюсь выходить. Но что это за стук? Прислушиваюсь. Тук-тук, тук-тук... Моё сердце так колотится...

— Добрый вечер! — она села рядом со мной, и ароматная вуаль легко окружила меня. Kenzo?

— Добрый! Куда отправимся?

— Не знаю. Может быть, вы предложите, а я соглашусь? — смущённо улыбнулась Аня.

— Вы любите японскую кухню? Мы можем поехать в «Киото». Ну как?

— Поехали!

Я позвонил в ресторан, чтобы оставили столик на двоих.

Такой уютный ресторанчик! Тихая музыка — нежный женский голос что-то красиво поёт, наверное, на японском. Маленький бассейн с красными рыбками — на них можно смотреть не отрываясь.

— Аня, пойдём за столик? — Андрей улыбается и легонько тянет меня за рукав, я, наверное, кажусь ему дурочкой.

— Да-да, конечно! Просто они такие милые, эти рыбки! — чувствую, что краснею до кончиков ушей.

Маленькая хрупкая девушка в красном кимоно, расшитом замысловатыми цветами, проводила нас к столику.

— Прошу вас, выбирайте. Я могу вам что-либо порекомендовать, — не сходила с её лица любезная улыбка.

— Спасибо, мы сами. Уже знакомы с вашей кухней, — я вежливо избежал от назойливо-сладчайшей учтивости официантки.

— Что бы вам хотелось, Анечка?

Моя спутница уже вовсю занялась просмотром меню.

— Ммм... сейчас «Маргариту» и сашими из тунца, а потом можно креветки с овощами, — «Аниме» очаровательно улыбнулась, глядя мне в глаза.

— Аня, вам говорили, что ваши глаза, как омут? — меня уже понесло, но остановиться не могу, барахтаюсь в омуте этих глаз и дна не вижу.

Мы обсуждали ресторанный кухню, а я держал мою «аниме» за кончики пальцев. Не зря позволил ей, не зря... Вечер такой удачный. Оказывается, есть девушки, с которыми может быть легко. Пока что ни на секунду не почувствовал раздражения или усталости. Здесь уютно — мягкий свет от белых фонариков проникает во все углы сквозь папирус, разделяющий зал на сектора, видны лёгкие молочно-белые тени фигур.

Вдруг за соседним столиком послышался знакомый смех... Оп-па! Маша здесь! Со своим пожилым бойфрендом. Она меня не заметила, но это ненадолго. Хотя я ей ничего не должен, но вот разбавлять ужин посторонними эмоциями не хочется.

— Вот это да! — я увидела сидящих за столиком рядом с нами. Это оказался наш официант из кофейни, Андрей. Надо же, мальчик-гарсон в таком дорогом ресторане! Он же за мной месяца пытался ухаживать, но приглашал только в студенческие закусочные! Каков подлец! У меня нет слов, хорошо, что я ни разу не согласилась. Я стояла у их столика и ждала, как он мне всё это объяснит. Тоже мне, ухажёр!

— И тебе привет! Аня, познакомься, это Мария, мы вместе работали, — я пытался вести себя непринуждённо, хотя чувствовал, что Маша сейчас лопнет от ярости. А мужичок-то её вообще не понимал, в чём дело.

— Добрый вечер, — улыбаясь, кивнула «аниме» и посмотрела на меня с явной надеждой на объяснение — она тоже заметила Машину реакцию.

В какую глупую ситуацию я попала... Надо как-то улучшить момент и уйти, нельзя же объяснять этой девушке, что она, возможно, всё перепутала, и Андрей совсем за ней не ухаживал. За мной, впрочем, тоже...

Под эти разборки я потихонечку убегаю, выхватив у гардеробщика пальто и на ходу одеваясь. Осталось потерять туфельку или пре-

вратиться в тыкву. Добегаю до такси и начинаю реветь.

— Отвезите меня домой, — скороговоркой выпаливаю адрес, и мокрые дома быстро мелькают перед глазами.

Вечер был окончательно испорчен. Аня явно растерялась от всего этого гвалта и ушла. Когда я отбился от Машки и выбежал на улицу, никто меня там не ждал. Я растерянно сплюнул на асфальт.

Потом наступило завтра, и жизнь закрутила меня в водовороте дел. Ещё через полтора месяца я уехал в Лондон на дизайнерскую выставку, образ девушки «аниме» начал постепенно стираться из памяти.

Мы

Сажу у окна в маленьком винном баре на Кингли-стрит. Передо мной бокал розового вина и кофе с круассаном. Не знаю, за что приняться сначала: кофейный аромат сладковатой горечью витает вокруг меня, а золотистый бочок круассана, чуть блестя, манит аппетитной корочкой и запахом свежей сдобы. Я представляю себе, как откушу кусочек, а там меня ждёт тёплый апельсиновый джем, уверенно беру бокал с вином, делаю глоток и, смакуя букет где-то под языком, закрываю глаза...

— Аня?! — мне кажется, это голос из сновидения, навеянного французским вином. — Вот так встреча!

Передо мной стоит Андрей — я не могу поверить в происходящее. Удивлённая улыбка на его лице, и он одной рукой ерошит свои волосы, другой отодвигает стул.

— Ты позволишь?

— Конечно! А ты как здесь?

— Я на выставку приехал. А ты? — его ресницы нервно вздрагивают.

— Тоже, — моё сердце замирает. И пусть всё вокруг замрёт сейчас, продлив для меня этот миг.

Он садится рядом со мной, официант приносит второй бокал.

Это она, моя «аниме». Из-за жёлтых стёкол очков на меня смотрит омут тёмных глаз, из которого мне уже никогда не выбраться. ☐

Смерть Птицы

Максим Дубровин

В ГОД 70-ЛЕТИЯ НАЧАЛА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ В
ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯУЗА» ВЫХОДИТ
СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ «ЯРОСТЬ
БЛАГОРОДНАЯ». СОСТАВИТЕЛЬ
КНИГИ, НАШ АВТОР СЕРГЕЙ
ЧЕКМАЕВ, ВМЕСТЕ С КОЛЛЕГАМИ
ПО ЦЕХУ РЕШИЛ СОВМЕСТИТЬ,
КАЗАЛОСЬ БЫ, НЕСОВМЕСТИМОЕ
– ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДВИГ
СОВЕТСКИХ СОЛДАТ И
ПИСАТЕЛЬСКУЮ ФАНТАЗИЮ.
ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ
ВНИМАНИЮ РАССКАЗ ИЗ
БУДУЩЕГО СБОРНИКА ПИСАТЕЛЯ
МАКСИМА ДУБРОВИНА.

Под землёй тихо и спокойно. Тепло, сыро и темно. Под землёй черви, медведки, сороконожки, мокрицы, муравьиная королева, жабы норы и кроты. Узловатые, словно искрученные артритом корни с тонкими бледными кончиками, природные камни там и сям, человечьи скелеты в обнимку со смертельными тайнами и зарытыми кладками. Ниже — чёрный горячий камень и бурая жирная нефть, почитаемая тёмными народами за кровь Земли. Реки, текущие с ленивой уверенной медлительностью неизбежной смерти, — у них нет берегов, нет начала и конца, и они полны чёрного песка. Подземные горы, растущие к поверхности, словно новые зубы, на смену отжившим и стёртым о тучи и небо. Под ними — могилы старых богов, имён которых не помнят даже они сами, и пространства, принадлежащие сущностям, вовсе не имеющим имён. Ещё ниже беззвучно бурлит сферическое море жидкого огня. У этого моря нет дна, но есть центр. Там, в раскалённой пульпе планеты, неизменная миллиарды лет, безразличная к жизни, смерти и времени, пребывает, не ведая снов и не зная горя, крупница космической пыли. Соринка, вокруг которой выросла жемчужина Земли.

Так — под землёй. А на земле убивали Птицу.

У красноармейца Алексея Птицы в деревне под Рязанью осталась мать. И вдовья старшая сестра Мотря с малышом, и брат, и дядькина семья, и дед с бабкой. Лютая смерть попыталась обойти Птицу и прорваться к его родным, чтобы навсегда разлучить их. Но красноармеец не хотел разлуки. Поэтому Алексей Птица бросился к амбразуре дота и закрыл её своим молодым телом. Немецкие пули с яростью били его в грудь, и ему казалось, что это не пули, а тяжкий железный молот вступил с ним в борьбу. Первым же ударом молота его едва не отбросило от амбразуры, и Птица схватился крепкими руками за случайные арматурины по бокам от дыры. Держась за них, он прижался ещё крепче со всей отчаянной силой, проснувшейся сегодня в нём. Снова и снова крушил невидимый немецкий пулемётчик своим молотом тело Птицы, но уже не сдвинуть было солдата с его нового поста. Птица не боялся этих ударов, он улыбался серому шершавому бетону перед лицом, потому что чувствовал — удары становятся всё слабее, видно, выдохлась злая фашистская сила в войне с русским солдатом. Он не знал, что вражеский

молот проделал в его крестьянском теле большую красную дыру, и оттого он не ощущает прежней силы ударов. Кровь текла по груди, по животу, по ногам и лилась прямо на лицо вражескому молотобойцу, застыл взор. Боли совсем не было — это ощущение Птица потерял где-то на войне. Иногда оно находилось, но непременно во время привалов или случайного сна, в бою же боль терялась опять. Ум Птицы оставался сейчас живым, хотя крови в его голове было уже совсем мало, и Птица радовался, что может помочь товарищам своим ловким поступком. Он представлял молотобойца внизу, его жестокое лицо, иступлённые глаза, ищущие наших солдат и не могущие разглядеть их за телом находчивого красноармейца. От радости Птица заплакал, прижавшись щекой к бетону. Левым глазом он видел кусок бело-серого неба с маленькими чёрными облачками разрывов, а ниже — бегущих по полю бойцов из своего батальона. А правый глаз был так близко к бетону, что ничего не видел, кроме маленькой щербинки от неметкой русской пули. Птица всё больше слабел, но слабел и молотобоец — удары его стали совсем лёгкими. Слабость Птицы была нежной и тёплой, а слабость врага — красноармеец чувствовал это — испуганной и жалкой. Руки бойца всё ещё держались за скобы, но в этом уже не было нужды — пули пролетали сквозь него, не встречая препоны. Наконец тело Птицы разучилось жить, и он умер.

Страх смерти много сильнее самой смерти. Птица незаметно в пылу войны одолел страх, и теперь смерть ему была неопасна и безразлична.

Первым делом он проверил дот. Заглянул в отверстие, из которого торчал ствол пулемётной машины, и увидел мёртвого фашиста. Враг лежал на земляном полу, раскинув руки. Осколком мины ему порвало лицо, из кровавой мешанины торчал клочок усов. На правой руке у фашиста было золотое кольцо. Птица не захотел тратить свою жалость на врага и продолжал осматриваться. Патронов к пулемёту не осталось, а ничего из оружия Птица больше не нашёл. Он обыскал фашиста, забрал зажигалку и флягу с водой. Больше делать тут было нечего, и красноармеец пошёл к своим.

Дыру в груди Птица попытался запахнуть гимнастёркой, но не вышло, она тоже прохудилась от пуль. Кровь запеклась и почернела. Ветер дул сквозь бойца, превращаясь

в его теле в тихий печальный свист. Птица шёл вслед за солнцем, и ему было грустно. Он думал, как же теперь будет воевать, выдадут ли оружие взамен утерянного, определят ли паёк? Ещё думал, что рано умер и теперь не сможет вернуться к родным, не сможет жениться, родить детей, построить своими руками будущее страны. Всё-таки смерть обманула его и разлучила с теми, кто был дорог его простой душе.

Постовой Платонов увидел в сумерках фигуру, бредущую из тыла.

— Стой! — потребовал он.

Птица узнал Платонова и сказал:

— Это я, Птица.

— Струсил? Отлежался? — поинтересовался бдительный Платонов.

— Убили меня, Платонов.

— Беда, — посочувствовал постовой.

Он достал кисет, листочки отрывного календаря, добытого в бою у фашистов, и скрутил папиросу.

Птица подошёл и сел на землю.

От самокрутки отказался, представив, как дым пойдёт из дыры, а вместо этого спросил:

— Как мне быть, товарищ?

— Надо к комиссару идти, он разберётся, — рассудил Платонов.

— Думаешь, в тыл не сошлют?

— Небось оставят.

— Зачем же я Родине нужен мёртвый?

— А чтобы живых не растрчивать.

В атаку можно вперёд послать, в разведку тоже, — Платонов пригляделся к ране. — Питание можно не отпускать и сто грамм на тебе сэкономить. Много пользы, — уверенно заключил он.

У Платонова выходило складно, и Птица почувствовал надежду и бодрость. Даже про сэкономленные сто грамм было не обидно, ведь достанутся они не кому-нибудь, а красноармейскому бойцу. Они ещё немного поговорили, Платонов обещал непременно разыскать после войны родных Птицы и помогать им, чем сможет.

Скоро Платонова сменили, он ушёл спать, а Птица отправился к комиссару.

Батальонный комиссар Кольцов не был природой приспособлен к политико-воспитательной работе. Его тяготили обязанности, возложенные долгом, он любил романтические стихи и мечтал о далёких путешествиях. Ещё мечтал самолично подбить немецкий танк. Но в тяжёлое для всего народа

военное время было не до грёз и приверженностей. Потому сейчас он не спал, как того просил измученный организм, а писал речь, которая завтра воодушевит на подвиг солдат. Голова его была полна порохового дыма, горячего железа и слёз по убитым товарищам. Вспоминал он и Птицу, поэтому, когда Птица зашёл в блиндаж, радостно вскрикнул:

— Живой!

— Убитый, — сказал боец, показывая на дырявую грудь, где больше не билось сердце.

Комиссар был молод, к тому же материалист, поэтому не верил в хождение мёртвых. Его военный опыт и литературный багаж подсказывали, что мёртвым положено лежать на земле и смотреть стеклянными глазами в хмурое небо под печальный клёкот улетающих журавлей. Но и отрицать, что человек с изуродованным телом — Птица, тоже было против правды. И Кольцов стал бороться с замешательством административным способом.

— Документы сохранил? — спросил он.

Птица похлопал себя по карманам, достал красноармейскую книжку.

Комиссар полистал её, подумал и спрятал в планшет. Птица промолчал, только крепко сомкнул потоптанные каблуки и вытнулся прямее. Тогда Кольцов, вопреки принятому минуте назад в уме решению, достал документы и вернул их красноармейцу. «Ну и чёрт с ним! Был бы сволочь — давно б показался», — решительно сказал он сам себе, а вслух громко отрубил:

— Будешь воевать!

Птица отдал честь и развернулся, чтобы уйти, но комиссар окликнул его:

— Погоди, ещё одно. Похоронку, раз уж ты... — он запнулся, потом решительно добавил: — Похоронку всё равно придётся отослать.

Красноармеец не думал об этом, а теперь, после слов комиссара, ясно ощутил, что старая мать похоронки не переживёт.

— Нельзя похоронку, товарищ капитан! — прижал он руки к груди и тут же одёрнул — было неприятно.

— Раз убитый — делать нечего, по-другому нельзя.

— А я ей напишу, что живой!

Выходило нехорошо. Кольцов задумался.

— Подам как на без вести пропавшего. Но чтоб и писем домой не писал. Уговор?

— Уговор, товарищ батальонный комиссар!

Оставшись один, Кольцов вновь склонился над листком с завтрашней речью. Теперь у него получалось легко и стройно, теперь он точно знал, что будет завтра говорить бойцам. Единственная заминка вышла, когда он решал, как назвать новое явление. Сначала написал «боевое советское привидение», потом сообразил, что от такой формулировки за версту несёт поповством, зачеркнул и написал «Одухотворённый Человек».

Нового обмундирования не дали. Поставить «одухотворённого», да ещё и пропавшего без вести на довольствие не получалось. Сбрасывались батальоном. В новой форме никто из несведущих не отличил бы мёртвого красноармейца от ещё живых его товарищей. Только особая бледность пугала слабаков, но бледность службе не помеха. Мешала дырка. В неё, даже прикрытую гимнастёркой и шинелью, задувал ветер, и Птица, хоть не чувствовал холода, постоянно ощущал раздражающе-бесконтрольное движение воздуха внутри себя.

На третий день Кольцов сам свозил его в полевой госпиталь. Главный хирург, подполковник Гульба, долго рассматривал чёрную дырку, тянул носом, отщипывал кусочки и изучал их под микроскопом. Он приставлял к мёртвому телу стетоскоп, стучал по холодным коленям мозолистой костяшкой пальца, светил в глаза, дважды измерял температуру разными термометрами. Птица с волнением наблюдал за действиями врача, ему опять стало страшно за своё будущее, он опасался, что ему запретят воевать. Наконец хирург вытер руки, аккуратно убрал микроскоп, сжёг в лотке отщипнутые фрагменты, достал из железного шкафа градуированный флакон, налил полный стакан, залпом выпил и разрешил воевать.

Счастливый Птица вышел из кабинета, а Кольцов задержался. Видя, что комиссар не уходит, подполковник налил полстакана и ему.

— Он ведь мёртвый? — прямо спросил Кольцов.

Военный хирург Гульба был мудрым человеком, поэтому ответил осторожно, стараясь хотя бы в букве не противоречить основным постулатам ленинизма:

— Он находится в термодинамическом равновесии со средой. Не разлагается, и химические процессы в нём не происходят.

Комиссар правильно понял подполковника.

— Что же с ним делать?

Но Гульба ничего не ответил, в это время привезли сгоревшего в фашистском огне танкиста, и стало не до разговоров.

Вернувшись в батальон, комиссар внёс имя Птицы в список погибших, потом вписал его ещё в один список. А на следующий день отвёз оба списка в штаб дивизии и долго-долго доказывал что-то дивизионному комиссару.

Похоронное письмо мама Птицы так и не получила.

— За проявленный героизм санинструктор второй роты сержант Кац Фёдор Семёнович награждается медалью «За боевые заслуги». Поздравляю!

— Служу Советскому Союзу!

— Наводчик ручного пулемёта третьей стрелковой роты, рядовой Птица Алексей!

— Я! — Птица сделал два шага и замер.

— За проявленную беспримерную храбрость в бою за населённый пункт Будёновка рядовой Птица награждается медалью «За отвагу». Посмертно. Поздравляю!

— Служу Советскому Союзу!

Если бы Птица мог дышать, он бы задохнулся от восторга. Он стоял перед строем товарищей и испытывал чувство гордости за свою страну, которая рождает таких славных героев. Размышляя о себе в героическом смысле, он в то же время думал не о своём подвиге, а о бесповоротной готовности к подвигу любого советского солдата. Видел эту готовность в обстоятельном Платонове, пылком Кольцове, хмуром Гульбе. А в тот момент, когда матовое зимнее солнце полировало тонкими лучами его новенькую медаль, Птица понял окончательно и точно, что фашистам не победить, и с какой бы яростью, с каким бы неистовством ни терзали они Страну Героев, победа останется за нами. И, поняв это, Птица закричал:

— Ура-а-а!!!

Крик подхватила рота, подхватил батальон, подхватил полк, подхватила дивизия, подхватил фронт, подхватила страна. И услышало небо.

Месяц за месяцем воевал одухотворённый боец Птица.

Служба мёртвого ничем не отличалась от службы живых. Птица ходил в долгие ночные караулы и быстротечные отчаянные атаки,

рыл окопы для живых и могилы для мёртвых, стрелял по фашистам, травил байки у вечернего костра.

Он проявил смекалку и приспособился курить, не вдыхая дым глубоко, а пережёвывая его во рту, и пить, не глотая водку, а удерживая её под языком маленькими порциями, покуда она не впитывалась куда-то в его мёртвом организме. От пищи Птица отказался и голода больше не испытывал, чему многие завидовали. Он больше не спал, потому что заснувшему смертельным сном поддельный сон живых не нужен.

А по утрам на лицо Птицы выпадала роса.

Многие в батальоне и раньше слышали о мёртвом бойце, а после награждения узнали уже все. Пытливые домогались правды: откуда в обычном человеке взялись силы жить после смерти? Птица не мог объяснить, но желающим разрешал смотреть на дырку.

Однажды вечером к костру, у которого грелся Платонов и сидел для компании Птица, подсел бывший политический штрафник, кандидат философии Гольдштейн и попросил показать смертельную рану. Птица снял гимнастёрку, встал ближе к огню. Через дырку Гольдштейн увидел языки пламени, стреляющие искрами в небо, кусок палатки и лес вдалеке.

— Надёжно убили, — проговорил он со знанием дела.

— Да уж, — ответил Птица, застёгиваясь.

— Что же в тебе такого особенного, что остался небо коптить?

Птица хотел пожать плечами, но из темноты раздался голос:

— Грешный он, вот и нет ходу на небо.

К огню вышел неприятный и завистливый человек Кузин. Он давно держался Птицы, веря в его удачливость и надеясь на её долю для себя. Кузин сел рядом с Платоновым и стал без спросу ковырять палкой в костре, выискивая картошку. Платонов ничего не сказал, чтобы не прослыть жадным, но отодвинулся от тучного Кузина и прислонился плечом к холодному Птице.

— На небо — ладно, — сделал вид, что согласился, Гольдштейн, — а почему земля не принимает?

На это Кузину нечего было ответить, его представления о загробном мире ограничивались упованием на рай после смерти, и иных

исходов он не видел. Он промолчал, делая вид, что занят картошкой, достал из кармана спичечный коробок с солью, посыпал, спрятал назад. Дым от костра беспрепятственно уплывал в небо, спокойный и уверенный в своей безгрешности.

— Почему же я грешный? — вступился за себя Птица. — Я Родину любил, жил по правде, воевал без обмана и умер по-честному. Где здесь грех?

— Ты в бога не веришь!

— Так нет же его, чего в него верить? — удивился Птица.

— Вот в том и грех.

— Ты, Кузин, прекращай агитацию! — не выдержал Платонов. — Скажу вот Кольцову, что баламутишь, разлагаешь общественное мнение — только тебя и видели.

Кузин набычился. Резким движением ковырнул костёр, выкатил ещё одну картофелину, но ничего не сказал.

Гольдштейн скрутил козью ножку и протянул Птице.

— Что ты чувствуешь, Алексей, после смерти?

— Много разного чувствую. Чувствую правоту нашей войны, чувствую победу над фашистами — нескорую, но неминуемую, — чувствую горе по друзьям убитым и радость по живым, ненависть к врагам. Силу правды своей чувствую. Все важные чувства со мною остались, а лишнего больше не чувствую.

— Какого же лишнего?

— Голода, усталости, страха. Отчаяния, слабости, боли. Сомнений.

— Легко тебе, стало быть?

— Совсем легко. Кажется, взлетел бы сейчас, только ногами оттолкнуться посильнее — и в небо. Да держит что-то, не пускает...

— Грехи... — полусёпотом вставил Кузин.

— Не грехи, — недовольно перебил его Гольдштейн. — Миссия.

— Какая такая миссия?

— Предназначение. В мировой литературе такие случаи неоднократно описывались. Но они с диалектическим материализмом плохо соотносятся, потому что считаются антинаучными и вредными.

Про диалектический материализм в колхозе рассказывал партгруппорг, но Птица тогда ничего не понял, потому не понял и сейчас. Однако загадка собственной одухотворён-

ности волновала его, поэтому он внимательно слушал Гольдштейна.

— Обычно, — между тем продолжал тот, — дух человека умирает вместе с телом. Что происходит с телом, известно всем, а вот куда девается дух — загадка, — Гольдштейн намекнул и про рай, но не хотел распространяться на эту тему, чтобы не совпасть в убеждениях с неприятным Кузиным. — Но бывают случаи, когда от мёртвого тела остаётся живой дух, называемый привидением. Дух этот бесплотен и невидим. Он не покидает мир живых, пока не исполнит миссию.

— И в чём миссия? — одновременно спросили Птица и Платонов.

— У каждого духа миссия своя. Отомстить обидчикам за смерть, закончить важную работу, совершить что-нибудь значительное.

Птица задумался. Молотобоец-обидчик давно мертвёхонек, поле недокошенное в деревне даже вспоминать смешно. Да и чего значительного может совершить простой русский солдат, к тому же убитый?

— А как же бесплотен, если его потрогать можно? — нашёл ещё одну закавыку Платонов и для проверки ткнул Птицу в твёрдый бок.

— Случай необычный, — согласился Гольдштейн. — Я думаю так: возложена на Алексея особая миссия, которую не может выполнить бестелесный дух, поэтому дух и одухотворил собою убитый организм. Кольцов это тоже понял, потому и назвал правильно — Одухотворённый Человек.

С той поры стал искать Птица свою миссию. Шли месяцы. Погиб под гусеницами романтический Кольцов, так и не успев сжечь свой заветный танк. Погиб хирург Гульба — фугасная бомба попала в операционную, и останки подполковника похоронили вместе с останками неизвестного бойца, которого он зашивал. Умирали — навсегда и бесповоротно — люди, которых знал и любил Птица, а его миссия всё ещё оставалась неразъяснённой.

В полковом листке красноармеец прочитал заметку о себе. Корреспондент, которого Птица никогда не видел, подробно и со знанием дела обсуждал «феномен одухотворённости». Заметка была написана в хорошем смысле, но версия «одухотворённости» у корреспондента выходила иная, чем у Гольдштейна. По его мнению, в убитого

красноармейца поселилась душа Родины, чтобы помочь живым своим сыновьям. Рассказывал автор и об иных случаях одухотворённости. Например, о лётчике, что разбился с самолётом, но и мёртвым продолжал бить фашистов. Четыре раза мёртвый лётчик ходил на таран, многожды горел и уже совсем превратился в головешку, но продолжал воевать. Приводились истории и вовсе нелепые, в частности, о безголовом комиссаре, который, лишившись основного органа, не оставил общественно-политических обязанностей.

Птица радовался, что он не один такой на белом свете, и продолжал искать то, для чего оставлен с живыми.

К Днепру вышли в сентябре сорок третьего. Фашисты укрепились на правом берегу и держались с такой силой, словно почувствовали под собой родную землю. Могучая река несла воды неторопливо и тихо, но больше ничем не могла помочь своему народу. Предстояла кровавая переправа.

Маленький отряд капитана Краюхи перебрался на вражеский берег ранним утром на плотах из бочек и рыбацких лодках. Захватить плацдарм, закрепитесь, обеспечить переправу — такой был приказ. И советский офицер Краюха собирался приказ выполнить, хотя сделать это было практически невозможно. Он экономно рассадил бойцов по укромным позициям и приказал им беречь свои жизни на пользу стране и убивать врага помногу и надёжно.

К полудню из всего отряда осталось четырнадцать человек, а к трём часам — шесть. Тогда Краюха приказал радисту вызывать подмогу. Ему было стыдно, но, оглядываясь на реку, он видел, что понтоны возведены только до середины, и не удержать ему этого кусочка берега. Это понимал и доброволец Платонов, который лежал в цепких малиновых кустах недалеко от Краюхи и одной рукой стрелял в немцев, а другой прижимал к раненому боку пилотку.

Птица вызвался добровольцем. В «одухотворённом» виде он ещё не пытался плавать и немного опасался переправляться на плоту — вдруг утонет и будет лежать на дне между жизнью и смертью до нового потопа? Но война шла на том берегу, и оставаться на этом было стыдно. Кузин вызвался тоже — боялся отпустить везунчика. Набралось ещё сорок человек.

Фашистская артиллерия без продыху дубасила по реке. Широкий, наскоро сложенный неумелыми руками плот из свежего дерева сидел в воде низко и почти не слушался. Гребли, чем придётся, сильно, но не в такт. Медленно-медленно плот двигался к правому берегу. Сначала вдоль понтонов, потом — по открытой воде. Снаряды падали в воду справа и слева, с каждой минутой всё ближе и ближе.

— Пристрелялись, гады, — сказал Гольдштейн, вытирая мокрым рукавом воду с лица.

— Не убьют, не бойся! — весело ответил Птица. — Там же наши ждут, Платонов и Краюха.

— И оттого не убьют?

— Конечно.

— Врёшь ты! — зло воскликнул Кузин.

От страха у него открылись глаза, и он понял, что никакой удачи Птица ему не принесёт, а ждёт его, Кузина, скорая гибель.

— Не вру. Мы — подмога. Пока к ним плывём, они будут держать берег. Мы уже им помогаем. Не бойся, Кузин.

Но Кузин боялся, и с каждой минутой страх всё сильнее разъедал его душу.

Платонов давным-давно открыл надёжный способ воевать и не быть убитым. Главное в бою — думать о чём-то другом. О чём угодно, только не о смерти и войне. Тогда выживешь и победишь. Платонов пытался научить этому товарищей, но ни у кого не получалось думать о другом, и многие погибли. Тогда Платонов решил, что у всякого солдата — свой способ выживать в бою, и учить перестал. Его же самого умение не думать о войне спасало не раз.

Когда убили Краюху и радиста, Платонов переполз к старой толстой берёзе, удобно выпроставшей корни из-под земли, и стал думать о том, как он после войны поедет в Москву. Как обойдёт весь Кремль вдоль стены, рассмотрит каждую башню, будет слушать куранты — бом-бом-бом, увидит Ленина, может быть, увидит Сталина. Как спустится по электрической лестнице к подземным поездкам метро, как поднимется и выйдет на незнакомой улице и встретит незнакомую девушку, как они пойдут в парк есть эскимо и кататься на каруселях, как ничто больше не сможет помешать его счастью...

Уже убили всех, только один Платонов держал плацдарм, от которого зависел в эти минуты исход всей войны.

Плот рассыпался от близкого взрыва, когда до берега оставалось ещё метров двести. Половину бойцов пришибло брёвнами, а кто не умел плавать, тот утонул. Кое-как сгрудили вместе, что поймали и, навалившись, поплыли дальше.

Кузин совсем растерял остатки храбрости. Когда далёкий фашистский пулемётчик начал стрелять по остаткам плота, он решил, что Родина не стоит его жизни. «Зачем мне умирать? — спросил себя Кузин. — Что изменится, если сейчас я выберусь на берег и брошусь навстречу безжалостным пулям? Ведь какая получится подмога из нас, — он пересчитал глазами оставшихся, — восьмерых? Плюнуть и растереть. На один зуб фашистам. Не хочу!»

И Кузин отпустил бревно, за которое держался, и нырнул. Под водой он бросил винтовку, документы, снял гимнастёрку и сапоги. Плыть сразу стало легче, и Кузин позволил течению отнести себя подальше от опасного места. Он почти выбрался на берег, когда шальная пуля, выпущенная совсем в другого человека, попала ему в голову. Кузин пошёл на дно и навсегда исчез из памяти живых и мёртвых.

Птица помог выбраться Гольдштейну на берег. Философский кандидат был ранен в правую руку, из ладони струйкой била кровь. Больше никто не спасся. Впереди, в близком пролеске, были слышны выстрелы.

— Это Платонов держится, нас ждёт! — сказал Птица. — Пойдём, товарищ, поможем ему.

Они побежали по голому пляжу, Птица впереди, Гольдштейн — за ним. Невидимый враг стрелял по ним из леса и удивлялся, что никак не может попасть. А Птица чувствовал, как пули, одна за другой, вонзаются в его тело и толкают назад. Бежать от этого было неудобно, но останавливаться — ещё хуже.

«Как хорошо, что в меня попадают, хитро мы с товарищем придумали спрятать живого за мёртвым», — на бегу радовался Птица, хотя ничего они не придумывали, и мёртвый прикрывал живого лишь по случайности, точно так же живой мог сейчас прикрывать мёртвого. А через мгновение это стало уже не важным. Пуля пронзила одежду

Птицы, пролетела через дырку в теле и попала Гольдштейну в живот. Он упал замертво.

Платонов символично лежал под берёзовым деревом. Ему было рано умирать, надо было дождаться подмоги. Но Платонов так устал воевать, что уже не верил в неё. Ему стало казаться, что он один на белом свете ведёт бой с фашистами и не даёт им мордовать Родину. И вот теперь его человеческие силы на исходе, не помогает больше испытанный способ, и нужно умирать.

Его ранили ещё дважды — в правое плечо и в левую ногу. В ногу не страшно, Платонов знал, что она больше не пригодится, а плеча было жалко — отнялась рука, и теперь он не сможет перезарядить пулемёт. Это стало последней каплей. Платонов не выдержал и зарыдал. Он плакал от обиды, размазывая по щекам слёзы бессилия, всхлипывал и рычал, подобно дикому зверю, и кусал корни берёзы, не зная, как ещё выразить своё несогласие со смертью. Но, плача, не забывал и стрелять, чтобы не проиграть войну раньше времени.

Таким его и увидел Птица: лежащим почти на спине, некрасиво вывернутым в прицельной позе, рыдающим, окровавленным, но ещё живым.

— Вот и подмога, Платонов, — сказал Птица, устраиваясь в корнях рядом с товарищем.

Они ещё долго стреляли по фашистам из своего надёжного укрытия. Птица помогал Платонову заряжать пулемёт и прикрывал его с той стороны, где засел меткий вражеский снайпер. Потом Платонов перестал стрелять, а в следующий миг на берег хлынули наши войска.

Птица почувствовал, что сила, не дававшая ему взлететь в небо, отступила. Он взглянул в последний раз на мёртвого Платонова, оттолкнулся ногами от мшистого корня и взмыл над землёй. Над лесом плыли комковатые серые облака, а над ними, на высоте, недоступной даже орлам, начинались Небеса. Выше, за самым высоким и счастливым Седьмым Небом, светило яркое и честное Солнце. Дальше простирался бесконечный космос Вселенной, в самом сердце которого горел вечный огонь. К этому огню, неторопливо и уверенно, плавно взмахивая могучими крыльями, летела душа Птицы.

Так — над землёй.

На земле Платонов открыл глаза. ☐

30 **АП**
ЖИДАНИЯ

С М Е Н А
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

7
НАЧАЛО 20:00
МАЯ

Eläkeläiset

HUMPPA!

ГОСТЬ КОНЦЕРТА ГРУППА "БАТАРЕЯ". ПРЕЗЕНТАЦИЯ АЛЬБОМА

наб. Обводного канала, 118 ТРК "Варшавский экспресс"
(812) 777-05-05 WWW.CLUBZAL.COM

Реклама

Syfy UNIVERSAL | Простор для воображения

популярный лекторий ЖУРНАЛ Популярный Механика

Syfy Роенали Party

познавательные лекции

космические экскурсии

научно-фантастический open-air

подробности и регистрация гостей: syfyuniversal.ru

19 мая

Музей Космонавтики

Начало лекций 16.00

Начало концерта 20.00

м. «ВДНХ», Проспект Мира, 111

bein

be-in.ru

**ТЕХНИКА
МОЛОДЕЖИ**

S&TRF
НАУКА И ТЕХНОЛОГИИ РФ

etoday

CHRONOSCOPE

ТЗ

LIVE JOURNAL
www.livejournal.com

Лекторий
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

журнал **смена**

NewScientist

